

Денис Ган
Наследники
Петра

Том I. Чужое тело

Наследники Петра.

Денис Ган

**Наследники Петра.
Том 1. Чужое тело**

«Автор»

2026

Ган Д.

Наследники Петра. Том 1. Чужое тело / Д. Ган — «Автор»,
2026 — (Наследники Петра.)

Январь 1725 года, Санкт-Петербург. Император Пётр I умирает. Империя замирает в преддверии борьбы за власть. В это смутное время в теле бедного подканцеляриста Ивана Шумилова приходит в себя наш современник, историк-архивист Виктор Стрельцов. Никто не ждёт чужака. Он не знает местных интриг, не умеет фехтовать и не помнит своего прошлого. Но он знает историю. И у него есть уникальный шанс — втереться в доверие к самому светлейшему князю Александру Даниловичу Меншикову. Раскрывая заговор Долгоруких и Голицына, создавая агентурную сеть «Канцелярия Дозора» и переживая первую дуэль, Шумилов доказывает: иногда знание будущего — единственное оружие против прошлого. Но изменит ли оно его собственную судьбу и историю державы российской?

© Ган Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пробуждение	5
Глава 2. Чужое стадо	11
Глава 3. Малый приём	21
Глава 4. Дом Голицыных	26
Глава 5. Затишье перед бурей	32
Глава 6. День	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Денис Ган

Наследники Петра. Том 1. Чужое тело

Глава 1. Пробуждение

Глава 1. Пробуждение

Сознание вернулось не просто вспышкой, а медленной, мучительной волной, словно его вытаскивали из глубокого колодца за волосы. Сперва пришёл звук — монотонный, тягучий, похожий на заубойное пение. Затем возник запах — воск, ладан, сырая шерсть и ещё что-то сладковатое, болезненное, такое что бывает в комнатах, где долго лежит тяжелобольной. И лишь потом — боль.

Она пульсировала в затылке, растекалась по позвоночнику, отдавалась в висках при каждом новом ударе сердца. Виктор попытался поднять руку но не смог. Тело не слушалось. Оно было чужим: неправильной длины, неправильного веса, с одеревеневшими мышцами и странной, ватной слабостью в суставах. Он попытался открыть глаза, но веки поддались с трудом, будто склеенные.

Потолок над ним оказался низким, сводчатым, сложенным из потемневшего кирпича. Масляная лампада в углу отбрасывала дрожащий оранжевый свет. Пение доносилось откуда-то снизу, приглушённое толстыми стенами, — мужские голоса, низкие, размеренные, тянули что-то на незнакомом языке. Не на церковнославянском — Виктор знал его по научным публикациям, — но похожее.

Он скосил глаза. Рядом с постелью стоял грубо сколоченный стол, на нём — глиняная миска с какой-то тёмной жидкостью и огарок свечи в медном подсвечнике. Стул с высокой спинкой, на спинке висит камзол тёмно-зелёного сукна с потускневшим серебряным шитьём. Пол из широких досок, щели между ними забиты паклей. Окно — узкое, забранное какими-то полупрозрачными пластинами в свинцовом переплёте — почти не пропускало света.

Виктор закрыл глаза и попытался вспомнить.

Последнее, что сохранила память: он сидел в архиве, в читальном зале РГАДА, перед ним лежали подлинные ведомости Камер-коллегии за 1724 год. Он работал над докторской — исследовал финансовые механизмы петровской эпохи, логистику, систему подушных сборов. Фамилия Меншикова всплывала то и дело, как и положено. Светлейший князь в те времена запускал руку во все пироги. Потом — обеденный перерыв. Он вышел на улицу, на Большую Пироговскую, за кофе и бутербродом. Переходил дорогу. Кажется, видел боковым зрением чёрный джип, летящий на красный. Дальше — темнота

ДТП. Кома. Вероятно, он в больнице. Но эта комната не походила ни на одну больничную палату, которые Виктор видел. И камзол — откуда, чёрт возьми, в реанимации камзол восемнадцатого века? И это пение

Дверь отворилась, но как-то уж со слишком тяжёлым скрипом... В комнату вошёл человек в длинном тёмном одеянии, в низко надвинутой скуфейке. Бородатый, сутулый, с морщинистым лицом и настороженным взглядом. Увидев, что Виктор смотрит на него открытыми глазами, он вздрогнул, перекрестился и отступил на шаг.

— Очнулся? — произнёс он надтреснутым голосом. Язык вроде русский Правда с каким то непривычным выговором, певучим и твёрдым одновременно. — Слава те, Господи. А мы уж соборовать хотели. Третью неделю лежишь в беспомощности.

Виктор открыл рот, но быстро понял что горло перехватило. Собственные губы казались непослушными, язык — толстым и неловким.

— Где я? — прохрипел он.

— В келье, — ответил бородатый. — При Александро-Невской обители. Ужо думали, отойдёшь. Лекарь сказывал — горячка. А ты, знать, крепок. — Он помолчал, покачал головой. — Князь присылал человека справляться, два раза присылал. Велел дать знать, коли очнёшься.

— Князь? — переспросил Виктор. Мысли ворочались медленно, неповоротливо.

— Светлейший князь Меншиков, кто ж ещё. Ты у него в милости, знать. Или в долгу. — Монах снова перекрестился. — Лежи. Сейчас принесу взвару. Пить тебе надобно, а говорить — погода.

Он вышел, осторожно притворив дверь. Виктор остался один.

Меншиков Александро-Невская обитель. Третью неделю без памяти Мозг отказывался принимать происходящее за реальность, но параллельно, на каком-то другом уровне — профессиональном, исследовательском — уже начал сопоставлять факты.

Александро-Невский монастырь, основанный Петром в 1710 году, действительно существовал. В середине 1720-х там мог находиться человек в тяжёлом состоянии. Монастырская братия, лекарь, посланцы Меншикова — всё это складывалось в непротиворечивую картину. Бредовую, но непротиворечивую.

Если это не бред.

Виктор усилием воли заставил себя поднять руку и поднёс её к лицу. Рука была не его. Он знал свои руки: длинные пальцы пианиста, которые мама когда-то называла аристократическими. Эти же были грубее, с более короткими пальцами, с загрубевшей кожей на подушечках, с тонкой белой полоской старого шрама, пересекавшей основание большого пальца. Обручального кольца не было, но на среднем пальце темнел след от перстня, который носили долго, не снимая.

Он попытался сесть. Тело отозвалось болью в пояснице и головокружением, но подчинилось. Виктор спустил ноги с постели — деревянного топчана с соломенным тюфяком — и осмотрел себя. Длинная холщовая рубаха до колен. Худые, но жилистые ноги с выступающими коленными чашечками. Босые ступни. Волосы, упавшие на лоб, оказались тёмно-русскими, почти без седины, и гораздо длиннее, чем он привык носить. Он вскинул руку к лицу — по щекам и подбородку кололась как минимум трёхнедельная щетина.

Он в чужом теле. Или в своём, но катастрофически изменённом. Первое объяснение противоречило всему, что он знал о мире. Второе оставляло слишком много вопросов: шрам, перстень, обстановка — детали, которые не могли ему привидеться.

Нужно было зеркало.

Он медленно встал, держась за стену. Пол качнулся под босыми ступнями, желудок сжал болезненный спазм — тело молило о пище и питье, — но Виктор сделал шаг, другой, добрался до стола, на котором стояла миска. В тёмной жидкости плавали размякшие травы. Он поднёс миску к губам и сделал глоток: горьковато, но терпимо.

На столе, рядом с огарком свечи, лежала небольшая книга в потёртом кожаном переплёте с медными застёжками. Виктор машинально открыл её. «Арифметика» Магницкого. 1703 год издания. Он помнил эту книгу по описаниям — первое печатное математическое руководство в России, по которому учили навигаторов и артиллеристов. Форзац исписан мелким, убористым почерком. Он поднёс книгу ближе к свече и с трудом, по слогам, разобрал:

«Сия книга принадлежит подканцеляристу Канцелярии городских дел Ивану Григорьеву сыну Шумилову. Куплена на собственные деньги в Санкт-Петербурхе генваря 5-го дня 1724 года».

Шумилов. Иван Григорьевич Шумилов. Виктор попытался вспомнить эту фамилию в контексте исторических источников — и не смог. Ни в одном из изученных им документов петровской эпохи она не встречалась. Обычный мелкий чиновник, один из тысяч.

Теперь это он?

Дверь снова отворилась. Вошёл давешний монах с глиняной кружкой, от которой поднимался пар, и куском ржаного хлеба.

— Сядь, — велел он строго. — Не держись на ногах, упадёшь. Выпей сперва, потом уж расспрашивай.

Виктор безропотно опустился на край топчана, принял кружку. Взвар оказался тёплым, травяным, с мёдом. Он пил мелкими глотками и чувствовал, как жизнь медленно возвращается в тело. Потом принялся за хлеб — грубый, с отрубями, но на удивление вкусный.

Монах стоял над ним, скрестив руки на груди.

— Как звать-то тебя? — спросил Виктор, прожевав.

— Отец Никодим. Келарь здешний.

— А меня, значит, Иваном. Иван Шумилов.

Отец Никодим кивнул.

— Привезли тебя на монастырской телеге, без памяти, в одной рубахе. При тебе были бумаги, сургучная печать и кошель с серебром. Документы я князьему человеку передал, серебро — в сохранности, отдам, когда окрепнешь. Ты скажи, чай, помнишь ли, откуда ты и что с тобой приключилось?

Вопрос был ожидаемым, и Виктор был к нему готов — настолько, насколько вообще может быть готов человек, проснувшийся в прошлом.

— Помню мало, — ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно и чтобы непривычный выговор не слишком резал слух. — Служу в Канцелярии городских дел. А что случилось будто пелена. Горячка, верно, память отшибла.

Отец Никодим понимающе покивал.

— Бывает. Горячка — она и разум мутит, и тело сушит. Ты вот что: дня два-три ещё полежи. Я велю послать человека к князю, доложить, что очнулся. А там уж как он решит.

— Князь присылал?

— Дважды присылал молодца из своих. Фамилию не сказывал, но по платью — не из простых. Спрашивал, жив ли ты, не заговаривался ли в беспамятстве. — Монах чуть нахмурился. — Ты б поосторожнее, сыне. Светлейший, он милостив, пока польза есть. А как польза кончится

Он не договорил, но Виктор понял.

Он знал историю реального Меншикова лучше, чем кто бы то ни было в этом столетии. Знал его взлёт — от торговца пирогами до светлейшего князя, генералиссимуса, фактического правителя империи при Екатерине. Знал его падение — ссылку в Берёзов, смерть в неизвестности, вдали от двора, от власти, от всего, ради чего он жил. И знал, что всё это начнётся в самое ближайшее время.

Если только уже не началось.

Виктор допил взвар и лёг обратно, но не потому, что хотел спать. Ему нужно было подумать.

Итак, что он знает точно?

Он находится в России, в Петербурге, в Александро-Невском монастыре. На дворе — январь 1725 года, самое начало года, потому что книга Шумилова куплена в январе, а сам он, судя по всему, заболел и впал в беспамятство спустя недолгое время. В реальной истории Пётр I умер 28 января (8 февраля по новому стилю) 1725 года. Если дата верна, до смерти императора остаются считанные дни. Может быть, недели.

После смерти Петра начнётся борьба за престол. Две партии: одна — за Екатерину, вдову императора, во главе с Меншиковым; вторая — за малолетнего Петра Алексеевича, внука Петра, во главе с родовой аристократией — Долгорукими, Голицыными, Репниными. Меншиков победит, возведёт на трон Екатерину и станет некоронованным правителем. На два года.

Потом Екатерина умрёт, на престол взойдёт Пётр II, и дни Меншикова будут сочтены. Ссылка, опала, смерть.

Это — реальная история. Она приведёт к волнениям и череде переворотов в стране. Россия станет слабее.

Но теперь здесь есть он. Виктор Стрельцов, тридцатилетний историк, кандидат наук, специалист по петровской эпохе. В теле мелкого подканцеляриста, который, судя по всему, успел чем-то заинтересовать самого Меншикова. И это даёт ему шанс — единственный, невероятный, невозможный — шанс вмешаться.

Но прежде чем менять историю, её нужно понять изнутри.

Отец Никодим ушёл, забрав кружку. Виктор лежал в полумраке и смотрел на дрожащий огонёк лампы. Он не знал ещё одного: как именно он попал в это тело и что стало с прежним хозяином. Впрочем, ответа на этот вопрос у него, скорее всего, не будет никогда.

Оставалось принять правила игры.

Через день он уже мог ходить по келье без посторонней помощи. Ещё через день — вышел в коридор. Монахи поглядывали на него с опасливым любопытством, но не заговаривали. Кормили исправно: каша, хлеб, изредка — варёная рыба. Виктор поглощал всё с жадностью, словно восстанавливал не только силы, но и связь с этим миром. Тело Шумилова постепенно приходило в норму — худое, жилистое, выносливое, привычное к холоду и скромной пище. Руки, как выяснилось, были руками человека, привыкшего писать: на среднем пальце правой — старая чернильная мозоль, почти стёршаяся за время болезни.

На пятый день после пробуждения в монастырь прибыл посланец от Меншикова.

Виктор как раз сидел в трапезной, когда отец Никодим вошёл и негромко сообщил:

— За тобой, Иван Григорьевич. Княжеский человек. Ждёт во дворе. Велел собираться.

Виктор отставил миску, поднялся. Сердце стучало быстрее обычного, но он не позволил себе волнения. Подканцелярист не должен выказывать страх перед теми, кто выше, — но и спокойствие не должно походить на дерзость. Нужно войти в роль, и войти быстро.

Он переделался в ту одежду, что нашлась в келье: те самые тёмно-зелёный камзол, простые суконные штаны, сапоги — крепкие, но явно не новые. Кружевной шейный платок — жабо — был сложен аккуратно, но пожелтел от лёжки. Виктор повязал его как сумел, надеясь, что выглядит не слишком по-современному.

Во дворе монастыря стояли сани, запряжённые парой лошадей. Возница в нагольном тулупе курил трубку. Рядом с санями, заложив руки за спину, прохаживался человек в добротной шубе, крытой синим сукном. На вид около сорока, бритый, с гладко зачёсанными назад волосами. Пальцы унизаны перстнями, но без излишней вычурности. Лицо холёное, но не ослабленное — лицо человека, который давно и плотно занимается чужими делами и привык держать рот закрытым.

— Шумилов? — спросил он, оглядев Виктора с ног до головы. — Я — Гурий Волков, секретарь его светлости. Велено доставить вас в дом светлейшего на Васильевском. Князь желает видеть вас незамедлительно. Садитесь.

Виктор молча кивнул, забрался в сани. Волков сел рядом, возница тронул, и сани, скрипя полозьями по утопанному снегу, покатали со двора.

В лицо ударил морозный ветер. Виктор кутался в старый плащ, который дал ему отец Никодим, и смотрел по сторонам, стараясь не выдать потрясения.

Петербург начала 1725 года. Узкие улицы, мощённые брёвнами. Деревянные дома с высокими крыльцами. Кое-где уже высятся каменные особняки — творения Трезини и его учеников. Прохожие в длиннополых кафтанах и тулупах, женщины в салопах и платках. Солдаты в зелёных мундирах с красными обшлагами. Лавки с нарисованными вывесками. Дым из печных труб, запах дёгтя, конского навоза и сырой древесины. И надо всем — низкое, серое небо, с которого время от времени сыпал мелкий колючий снег.

Всё это было знакомо ему по документам, по гравюрам и по архивным планам. Видеть это живую, слышать, вдыхать — совсем другое.

— Вы, говорят, память повредили? — негромко спросил Волков, глядя куда-то вперёд, поверх голов лошадей.

— Так и есть, — ответил Виктор. — Горячка. Помню немного.

— Князю не понравится. — Волков усмехнулся одними губами. — Он вас на особом счету держал.

— На особом? Я всего лишь подканцелярист.

— Бросьте. — Волков наконец взглянул на него. Взгляд был острый, оценивающий. — Не скромничайте, господин Шумилов. Вы вели опись конфискованных имений по новгородскому делу. И нашли там то, чего другие не видели. Князь тогда изволили заметить: «Этот малый глядит не на бумагу, а сквозь неё». Так что память вам лучше восстановить. Понадобится.

Сани свернули на набережную, и Виктор увидел Неву — широкую, замёрзшую, запорошенную снегом. Через реку тянулись цепочки следов и санных полозьев. На том берегу темнели корпуса Адмиралтейства и поднимался шпиль Петропавловского собора.

Виктор смотрел на город, которому суждено было стать столицей империи, и думал о том, что через месяц здесь всё начнёт меняться. Империя останется без императора. Меншиков начнёт взлёт и падение. А он, Виктор Стрельцов, затерянный в теле мелкого чиновника, должен будет решить, на чьей он стороне и какую цену готов заплатить.

Дом Меншикова на Васильевском он узнал сразу — знаменитый особняк, первое каменное здание в этом районе, построенное итальянскими мастерами. Высокое крыльцо, колонны, лепнина. У входа — караул. Солдаты вытянулись, увидев Волкова.

— Идём, — бросил секретарь, легко сбегая с саней. — Светлейший ждать не любит.

Виктор поднялся по широкой лестнице, стараясь не выдать волнения. Дом внутри был обставлен с той смесью европейской роскоши и азиатского размаха, которая так поражала иностранцев в петровских вельможах. Гобелены соседствовали с изразцовыми печами, венецианские зеркала — с собольими шкурами, разложенными на дубовых лавках. Всюду сновали слуги. Пахнет свечным воском, деревом, табаком и чем-то пряным

Волков провёл его через анфиладу комнат и остановился перед высокой резной дверью.

— Ждите.

Он скрылся за дверью. Прошло минуты три, показавшиеся часом, прежде чем дверь снова отворилась и Волков коротко бросил:

— Входите. Князь вас примет.

Виктор перешагнул порог.

Кабинет светлейшего был огромен. Потолок терялся в полумраке, несмотря на два десятка свечей в массивной люстре. У дальней стены высился письменный стол, заваленный бумагами, картами, книгами. У окна стоял высокий человек в домашнем камзоле из тёмно-синего бархата.

Князь Александр Данилович Меншиков. Светлейший был именно таков, каким его описывали современники: высок, широкоплеч, с крупными чертами лица и тем особым, цепким выражением серых глаз, которое равно могло означать и милость, и угрозу. Волосы, ещё не тронутые сединой, были собраны в простой хвост. На нём не было парика, орденов, парадного платья — только камзол да перстень с крупным изумрудом на указательном пальце, — но власть ощущалась в каждой детали. Она была в осанке, в повороте головы, в том, как он стоял, заложив одну руку за спину.

— Подойди, — произнёс он, и Виктор повиновался. Голос у князя был низкий, с лёгкой хрипотцой, но отчётливый.

Остановившись в трёх шагах, он поклонился — как умел, надеясь, что достаточно низко.

— Ну, здравствуй, Иван Григорьевич, — сказал Меншиков, и Виктор почувствовал на себе его взгляд. — Мне доложили, ты чуть не помер. Горячка скверная штука... Но ты, я вижу, выкарабкался. Это хорошо! Плохо то, что ты, говорят, память потерял. Так?

— Так и есть, ваша светлость, — ответил Виктор, старательно имитируя манеру речи, которую слышал в монастыре. — Помню немного

— А что именно помнишь?

— Помню, что служу по городovým делам. Что занимался описями. И что вы, ваша светлость, изволили проявлять ко мне интерес.

Меншиков усмехнулся.

— Интерес Хорошее слово! Ты мне грамотку составил в ноябре — о том, сколько денег оседает в новгородских вотчинах, мимо казны. Цифры вывел такие, что у Сената бы глаза на лоб полезли. Я тогда подумал: вот человек, который умеет считать. А тех, кто умеет считать, надо держать при себе.

Он прошёлся вдоль стола, взял в руки какую-то бумагу, мельком глянул и бросил обратно.

— Но память твоя, Иван Григорьевич, сейчас мне без надобности. Мне нужны твои глаза и твоя способность видеть то, чего другие не замечают. Справишься — останешься при мне. Не справишься — вернёшься в свою канцелярию переписывать реестры до скончания века.

Виктор молча кивнул, чувствуя, как сердце колотится где-то у горла. Он понимал, вот он этот момент выбора. Сейчас, в первые же минуты, решается его судьба в этом мире. Меншиков не прощает ошибок — это он знал из истории. Но он также ценит ум.

— Что прикажете делать? — спросил он, поднимая глаза на князя.

Меншиков чуть прищурился, словно решая, стоит ли продолжать разговор, и наконец бросил коротко:

— Государь болен. Ты знаешь?

Виктор замер. Он знал — точнее, помнил из своего времени, что болезнь Петра началась в январе 1725 года и закончилась смертью 28 января. Но что знал об этом настоящий Шумилов, мелкий чиновник? Вероятно, то же, что и все: государь нездоров, но подробности неизвестны.

— Слышал, — ответил он осторожно. — В городе говорят разное.

— В городе всегда говорят разное, — отрезал Меншиков. — А я тебе скажу правду. Государь умирает. Лекари разводят руками. Дни его сочтены. И когда это случится

Он осёкся, словно спохватившись, что говорит лишнее. Прошёл до окна и обратно.

— Впрочем, об этом после. Сейчас другое важно. У меня есть сведения, что в Преображенском полку зреет смута. Кто-то мутит воду, распускает слухи, склоняет офицеров на сторону великого князя Петра Алексеевича. Мне нужно знать, кто именно, насколько серьёзно и далеко ли зашло. Моих людей они знают в лицо. А ты — человек новый, незаметный. Вот тебе первое дело.

Меншиков взял со стола небольшой конверт.

— Здесь имена, которые уже известны. Пойдёшь сегодня же в полковую слободу. Поговоришь с людьми. Послушаешь. Запомнишь. Завтра доложишься.

Виктор принял конверт. Рука чуть дрогнула, но он справился.

— Будет исполнено, ваша светлость.

— Не сомневаюсь. — Меншиков отвернулся к окну, давая понять, что аудиенция окончена. — И вот ещё что. Если услышишь что-то важное — не жди утра. Приходи сразу. В любое время. Мои люди тебя пропустят.

Виктор поклонился и вышел.

Глава 2. Чужое стадо

Глава 2. Чужое стадо

Выйдя от светлейшего, Виктор не сразу покинул особняк. Он задержался в приёмной, делая вид, что поправляет шейный платок — кружевное жабо, пожелтевшее от долгой лёжки в монастырской келье, — а на самом деле давал себе время осмыслить произошедшее. Сердце колотилось где-то у горла, но мысли, к собственному удивлению, выстраивались в холодном, почти в лабораторном порядке. Такое случалось в архиве, когда он наткнулся на документ, переворачивавший прежнюю концепцию: сперва вспышка — потом спокойная, почти ледяная ясность.

Он только что говорил с Александром Даниловичем Меншиковым. Тем самым. Светлейшим князем, герцогом Ижорским, генералиссимусом, кавалером ордена Святого Андрея Первозванного и ордена Слона, членом Лондонского Королевского общества — перечисление титулов занимало в голове Виктора отдельную ячейку памяти, потому что в своей прошлой жизни он однажды потратил целый день в архиве, выписывая их из подлинных грамот. Тогда это было академическим интересом. Теперь — вопросом выживания.

Он получил первое задание. Задание опасное: влезть в Преображенскую слободу, послушать разговоры, доложить. И сделал это, не выдав ни страха, ни своей главной тайны. Теперь оставалось только оправдать доверие — или провалиться с такими последствиями, о которых не хотелось даже думать. Меншиков не прощал ошибок. Виктор знал это из истории. Знал он и другое: светлейший ценил ум и исполнительность едва ли не выше родовитости. Сам выбился из низов — и в других уважал способности, а не происхождение. Это давало шанс.

В приёмной снова появился Гурий Волков. Секретарь светлейшего держался всё с тем же непроницаемым выражением холёного лица, но взгляд стал чуть более цепким — Виктор физически ощущал, как его оценивают, словно некий механизм внутри Волкова перебирал невидимые шестерёнки, калибруя степень полезности нового человека. Одет секретарь в камзол из английского сукна с серебряными пуговицами — неброско, но дорого, как одеваются люди, которым не нужно доказывать своё положение.

— Его светлость распорядился выдать вам потребную сумму, — произнёс Волков, протягивая кожаный кошель, ощутимо тяжёлый. — Шесть рублей серебром. Хватит и на извозчика, и на угощение нужным людям. Отчитаетесь опосля.

— Благодарю, — ответил Виктор, пряча кошель за пазуху. Пальцы ощутили приятную тяжесть. Шесть рублей по меркам 1725 года — сумма большая. Рядовой солдат получал в год около десяти рублей; мелкий подканцелярист вроде Шумилова — немногим больше. Меншиков швырялся деньгами так же, как и людьми: широко, не считая, но требуя результата.

— Когда прикажете явиться с докладом?

— Завтра к вечеру. Но если что-то горячее — немедля, как князь велел. — Волков помолчал, перебирая в пальцах массивную печатку на среднем пальце. Движение машинальное, но Виктор отметил: секретарь носит перстень с гербом, стало быть, сам не из простых. — Мой совет, господин Шумилов: не ходите в слободу в этом.

Он указал взглядом на зелёный камзол Виктора — добротный, с серебряным шитьём, хоть и поношенный.

— Там таких не носят. Одевайтесь проще. Я велю людям дать вам тулуп и шапку поплоче. Вам надобно выглядеть как человек из мещан или из мелких приказных, а не как дворянин. В слободе, знаете ли, к дворянам отношение особенное. Гвардия своё достоинство блюдёт.

Через четверть часа Виктор вышел из особняка Меншикова в нагольном тулупе поверх старого камзола, в надвинутой на брови овчинной шапке и простых сапогах. От прежнего облика остались только руки — те самые, со старым шрамом и чернильной мозолью, выдававшие в нём человека, привыкшего к перу. Впрочем, в слободе могли встретиться и писари, и полковые канцеляристы: это не вызвало бы подозрений. Хуже было другое: в покрое тулупа, в отсутствии военной выправки, в манере держаться — во всём этом опытный глаз мог распознать чужака. Виктор понимал, что его главное оружие сейчас — не деньги и не связь с Меншиковым. Главное сейчас способность притворяться. И он собирался использовать её на полную.

Морозный туман сгустился над городом. Февраль в Петербурге всегда был месяцем туманов: Нева ещё спала подо льдом, но болота вокруг города уже начинали дышать сыростью. Виктор нанял сани у ближайшего извозчика — угрюмого мужика в рваном треухе — и велел ехать в Преображенскую слободу, на левый берег Невы, за Литейный двор.

Пока сани скользили по укатанному снегу, взрезая полозьями ледяную корку, он обдумывал задание. Преображенский полк — старейший гвардейский полк, основанный Петром ещё в «потешные» времена, в 1683 году, в подмосковном селе Преображенском. Из этого полка выросли и офицерский корпус, и многие государственные деятели. Именно преображенцы вместе с семёновцами решали судьбу престола. В реальной истории они поддержали Екатерину благодаря усилиям Меншикова и генерала Бутурлина. Но здесь, судя по заданию, что-то пошло не так. В полку явно зреет смута, и кто-то склоняет гвардию на сторону Петра Алексеевича, десятилетнего внука императора.

Виктор помнил имена, значившиеся в запечатанном конверте, который он прочёл в саях, разломив сургуч и прикрывая бумаги полой тулупа от ветра. Меншиков не боялся, что гонец сунет нос в бумаги: князь, похоже, специально дал прочесть, проверяя, сделает ли порученец правильные выводы. Среди подозреваемых значились трое: поручик Иван Козлов, сержант Фёдор Щепотьев и некий солдат по фамилии Дронов, о котором было сказано лаконично: «Дерзок, говорлив, имеет дружбу с людьми Долгоруких». Ниже приписка другим почерком — вероятно, самого Волкова: «Дронова проверить в первую очередь. Ежели заговорит — доставить». И подпись: не привычная «светлейший», а короткое, энергичное «М.».

С этого и следовало начать. Но соваться к Дронову сразу было бы глупо. Сначала — осмотреться, послушать, понять расстановку сил.

Слобода встретила его запахом дыма, конского навоза, и мокрой шерсти. Дома здесь пониже, чем в центре, — в основном деревянные, с высокими крыльцом и глухими заборами, за которыми изредка слышался собачий лай. Вдоль главной улицы тянулись коновязи. У полковых бань, из которых валил густой пар, толпились солдаты с вениками и деревянными шайками, хохотали, хлопали друг друга по спинам. Где-то в стороне бил барабан — размеренно, однообразно, отбивая шаг учебной роты. Виктор прислушался Ритм чёткий, прусский, с характерной оттяжкой на четвертую долю. Петровская муштра. Орднунг.

Он отпустил возницу у кабака с грубо намалёванной вывеской: кривой двуглавый орёл держал в лапах штоф и глиняную кружку. Под вывеской нацарапано углём, явно не самой твёрдой рукой: «Государство угощает». И ниже, помельче: «В долг не даём». Заведение явно посещалось нижними чинами — может быть, и сержантами, но не офицерами: те пили в другом месте.

Он вошёл.

Внутри сильно накурено и слишком шумно. Сизый табачный дым плавал слоями, подсвеченный масляными лампами. Длинные дубовые столы, лавки, глиняные кружки, оловянные тарелки с квашеной капустой и крупно нарезанной солониной. За стойкой целовальник — красномордый мужик с руками-лопатами — разливал что то из штофа Посетители: солдаты в расстёгнутых мундирах, у некоторых на груди виднелись нашивки за ранения, у одного не хватало уха; несколько сержантов с тросточками — знаком отличия. Ещё пара писарей с черниль-

ными пятнами на пальцах и угрюмый купец в углу, который явно не рассчитывал оказаться в такой компании и теперь боялся поднять глаза от тарелки.

Виктор, войдя, на мгновение замер у порога, давая глазам привыкнуть к полумраку, и быстрым взглядом оценил помещение. За дальним столом сидели четверо гвардейцев и о чём-то негромко, но горячо спорили. Справа, у окна, — одинокий сержант с кружкой пива и кислым выражением лица. Лицо пересекал старый шрам — от левого виска до угла рта. Именно таким Виктор представлял Щепотьева. Отдельно от всех расположился человек в штатском платье, по виду — купец или подрядчик, нервно крошивший хлеб на столе.

Виктор взял кружку кваса (пить хмельное пока не стоило: голова должна оставаться ясной), сел так, чтобы слышать дальний стол, и принялся неспешно цедить напиток. Квас оказался крепким, хлебным, с кислинкой — явно домашнего приготовления, а не разбавленная бочковая бурда.

До него долетали обрывки разговора:

— говорят, государь-то уж не встаёт Лекаря руками разводят.

— Враки! Государь — он крепкий. Сколь раз болел? И подымался! Помнишь, как в двадцать втором? Все уж хоронить собрались, а он через седмицу — на ногах, и давай бумаги подписывать.

— То в двадцать втором. А нынче, сказывают, почки отказали. А с почками, брат, не шутят. У меня дядька от того же помер — мочился кровью и сох.

— Типун тебе на язык. Государь нашему брату — отец. Без него что? Свара начнётся.

— А коли не подыметя? Тогда что?

— Тогда — Пётр Алексеевич, кому ж ещё? Внук природный. Кровь царская.

— Скажешь тоже — природный Царевич Алексей от престола отречён был, да и помер в застенке, царство ему небесное

— Тиш-ше ты, дурень! Про такое — молчок. За такие слова, знаешь, куда?

Наступила напряжённая пауза. Виктор сделал вид, что целиком поглощён квасом, но внутренне весь обратился в слух. Разговор возобновился тише, почти шёпотом, так что приходилось напрягать слух до звона в ушах:

— У Долгоруких, слышал, уж всё готово. Как только государя не станет — они полки подымут.

— А светлейший?

— А что светлейший? У него гвардия, да только солдат — он за тем пойдёт, кто хлеб даст. А хлеб нынче у кого?

— У Долгоруких, выходит?

— У Долгоруких казна своя, это верно. Они не скупятся. Давеча в третьей роте солдатам по рублю на брата раздали. Просто так. Без вычетов. Солдат это любит

— И много они так раздали?

— Говорят, сотен пять, а то и боле. Деньги немалые. И посулили ещё как Пётр Алексеевич на престол сядет — всем гвардейским жалованье удвоят, а особо отличившимся — земли в новгородских вотчинах.

— Удвоят? Это хорошо. Да только двойное-то жалованье не везде двойную службу стоит. У светлейшего, слышал, тоже закрома не пустые.

— У светлейшего закрома полные, да только он их для себя держит. А Долгорукие — они для всех. Понимашь разницу?

Виктор мысленно отметил: аргументация — хлебная. Долгорукие действуют грамотно, подкупают гвардейцев не обещаниями политических свобод, а простым и понятным рублём. В реальной истории это было слабым местом Меншикова: при несметных богатствах он был скуповат, когда дело касалось чужих карманов. Солдаты это чувствовали.

Он отхлебнул ещё кваса и продолжил слушать.

— А что Козлов говорит? — спросил один из солдат — молодой, безусый, с нашивками капрала. — Поручик-то наш что думает?

— Козлов своё говорит: порядок, мол, нужен. Порядок — это закон. А закон — это Пётр Алексеевич. Потому что он по крови, а не по случаю.

— Эко он ловко повернул По крови Хотя, оно, конечно, верно! Только при государе Петре Алексеевиче кто править-то будет? Мальчишка же совсем.

— А регент. Регента назначат.

— Кого? Меншикова?

— Вот уж нет. Меншикова Долгорукие на пушечный выстрел к престолу не подпустят. Говорят, регентом будет Алексей Григорьевич Долгорукий. Или князь Дмитрий Голицын. А светлейшего — в отставку, а то и подальше.

— Подальше — это куда? В Берёзов? — хохотнул кто-то.

— Хоть в Берёзов, а хоть а далее. Лишь бы подальше.

Виктор внутренне похолодел. Берёзов. Именно туда и сошлют Меншикова в реальной истории, через два с лишним года после смерти Петра. Но здесь, в этих разговорах, ссылка обсуждалась уже сейчас, ещё до кончины императора. Значит, Долгорукие готовят почву. И готовят основательно.

Он допил квас и поставил кружку. Нужно было решать, как подступиться к нужным людям.

Одинокий сержант у окна — Виктор был почти уверен, что это Щепотьев — вдруг поднял голову и глянул прямо на него. Взгляд был тяжёлым, изучающим, без тени приветливости. Виктор успел отвести глаза, но понял — поздно. Его заметили.

Сержант поднялся — коренастый, широкоплечий, с могучей шеей, на которой бугрились жилы, — и неторопливо, вразвалочку подошёл. Двигался он, несмотря на грузность, с той мягкой, пружинящей походкой, которая выдаёт человека, привыкшего к рукопашному бою.

У стола остановился, нависая.

— Не признал тебя, — произнёс он хрипловато, явно простуженным голосом. — Ты чей будешь? Из писцов, что ль?

Виктор отставил кружку. Спокойно. Без резких движений. Руки держал на виду.

— Из писцов, — подтвердил он. — Из городской канцелярии. Прислали описи проверять по полковому имуществу. У вас, сказывают, недостача по амуничным деньгам за прошлый год.

Он бил наугад, но попал, судя по реакции. Сержант нахмурился, оглянулся через плечо — не подслушивает ли кто? — и понизил голос произнёс:

— Недостача Ты, писец, потише бы Про описи — это к каптенармусу, не ко мне. Я такими делами не ведаю.

— А ты кто таков? — спросил Виктор, стараясь, чтобы голос звучал ровно, с лёгким нахальством, какое положено мелкому приказному. Опыт общения с чиновниками в своём времени подсказывал: слишком почтительный писец вызывает подозрение, слишком наглый — раздражение. Истина где-то посередине.

— Сержант Щепотьев, первой роты, — ответил тот и скрестил руки на груди. — А ты, выходит, Шумилов?

Виктор внутренне напрягся. Один из тех, кто значился в списке Меншикова. И он уже знает его имя. Плохо.

— Про тебя спрашивали, — продолжал Щепотьев всё тем же глуховатым тоном.

— Кто спрашивал?

Щепотьев усмехнулся, и усмешка эта была недоброй. Шрам на щеке побелел — Виктор знал, что такое случается с застарелыми рубцами, когда человек напрягает лицевые мышцы.

— А вот пойдём-ка со мной, там всё и узнаешь

Он положил руку на плечо Виктора — тяжёлую, будто тиски, привычную к тяжести фузейного ствола, — и потянул к выходу. Виктор физически ощутил, какая сила скрыта в этом невысоком, кряжистом человеке. Сопротивляться бессмысленно. Кричать — тем более. Он бросил взгляд на целовальника, но тот уже отвёл глаза. Здесь привыкли не вмешиваться в чужие дела

На улице стемнело. Февральский вечер опускался на Петербург быстро, как театральный занавес: только что было сумеречно — и вот уже тьма, разбавленная лишь тусклыми масляными фонарями у полковых караулок. Мороз усилился, он забирался за ворот тулупа, заставляя ёжиться. Щепотьев, не отпуская плеча Виктора, повёл его вдоль по улице, мимо шлагбаума, мимо полосатых будок часовых, которые провожали их равнодушными взглядами, — к приземистому каменному зданию в глубине слободы. Полковая гауптвахта.

— Я ничего дурного не сделал, — заметил Виктор как можно миролюбивее, почти добродушно. — Служба у меня такая: ходить, описи сверять, бумаги составлять. Скучная служба, честно сказать.

— Знаю я ваши описи, — хмыкнул Щепотьев, не оборачиваясь. — Ты ещё до Рождества в слободе крутился, а после Нового года тебя видали у дома Ивана Долгорукова, что на Адмиралтейской стороне. А как государь слёг — ты пропал. Три недели о тебе ни слуху ни духу. И вот объявился. Совпадение, скажешь?

Виктор похолодел. Настоящий Шумилов, выходит, и до болезни успел наследить — крутился и в слободе, и возле Долгоруких. Его исчезновение связали с болезнью государя и теперь считают подозрительным вдвойне: и активность, и внезапное исчезновение, и столь же внезапное возвращение.

— Я после Рождества в горячке лежал, — ответил он, уже не скрывая, но и не выкладывая всего. — Три недели без памяти. Что было до того — почти не помню. Сами знаете: мозговая горячка память отшибает напрочь. Монахи в Александро-Невской обители подтвердят.

— Монахи-то подтвердят, — пробормотал Щепотьев. — Да только не все монахам верят то.

Он толкнул тяжёлую, обитую войлоком дверь и впихнул Виктора внутрь.

В караулке горела одна-единственная масляная лампа, водружённая на дубовый стол. Комната была казённой до мозга костей: голые каменные стены, деревянный помост для сна, пара табуретов, на стене — регламент караульной службы в рамке. За столом сидели двое.

Первый — молодой офицер, лет двадцати пяти, с тонкими, щёгольски закрученными усиками и холодными серыми глазами, какие бывают у людей, рано привыкших командовать. Камзол обер-офицерского сукна с зелёными обшлагами сидел на нём ладно, без единой складки, что выдавало хорошего портного. Поручик Козлов, подсказала память Виктора: имя из списка Меншикова. Судя по лицу — умён, спокоен и опасен.

Второй — человек в чёрном плаще, с лицом, скрытым в тени глубокого капюшона, надвинутого почти до подбородка. Он сидел неподвижно, как изваяние, и при появлении Виктора не шелохнулся. Но в этой неподвижности было что-то гнетущее. От него веяло не угрозой — веяло властью. Не той, что даётся чином, а той, что проистекает из знания.

— Вот, — доложил Щепотьев, подтолкнув Виктора к столу, — тот самый. Шумилов. Из городской канцелярии, говорит. А сам, мы знаем, у Долгоруких трётся. Или, по крайней мере, трётся до того, как пропасть.

Поручик Козлов поднял голову от бумаг, которые рассматривал, и оглядел Виктора без видимой враждебности, но и без малейшего тепла. Так смотрят на уравнение, которое нужно решить.

— Господин Шумилов, — произнёс он тихо, но отчётливо, как человек, привыкший отдавать приказы вполголоса, — мы люди военные и лишних слов не любим. Объясните без увёр-

ток, зачем вы посещали дом Ивана Долгорукова в начале января и с кем там говорили. А потом объясните, почему сразу после этого исчезли на три недели и где пропадали.

Виктор понимал: если сейчас солгать — ложь вскрыется немедленно. У них есть свидетель, привратник. Возможно, есть и другие глаза. Вышло, что настоящий Шумилов действительно был у Долгоруких до своей болезни — и это объясняло интерес Меншикова к скромному подканцеляристу. Светлейший, видимо, не просто так выделил Шумилова из сотен чиновников: тот уже до болезни работал по Долгоруким. Вопрос — на кого.

Оставалось играть правдой, дозируя её осторожно.

— Господин поручик, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно и даже с ноткой оскорблённого достоинства, — я действительно был в доме Долгоруких в начале января. По поручению Канцелярии городских дел. Речь шла об описи конфискованных имений по новгородскому делу. У Долгоруких имеются бумаги, касающиеся тех вотчин, и мне велели сверить реестры. Я выполнил поручение и удалился. С кем говорил — того не помню, потому что вскоре после того слёг в горячке и три недели лежал без памяти. Александро-Невская обитель, келарь отец Никодим — справьтесь. Горячка мозговая, мог и вовсе рассудка лишиться. Память мне отшибло напрочь. Что было в те дни и с кем я там виделся — хоть убейте, не вспомню!

Козлов обменялся быстрым взглядом с человеком в капюшоне. Тот едва заметно покачал головой: не то отрицая сказанное, не то давая сигнал продолжать.

— А сегодня вы зачем здесь? — продолжал Козлов, снова поворачиваясь к Виктору. — В слободе, в солдатском кабаке? Почём нам знать, что вы не лазутчик, подосланный с каким-нибудь злым умыслом?

— Проверяю амуничные списки, — стоял на своём Виктор с упрямством, какое мог себе позволить только мелкий чиновник, привыкший к бумажной волоките. — Прислан из канцелярии. Могу предъявить бумаги.

Он вынул из-за пазухи сложенный лист — чистый бланк с печатью городской канцелярии, который на всякий случай прихватил из кельи, когда разбирал вещи настоящего Шумилова. Бланк был подлинный, с водяными знаками, с печатью, оттиснутой на сургуче: двуглавый орёл и надпись по кругу — «Канцелярия городских дел Санкт-Петербург». Виктор мысленно поблагодарил прежнего хозяина тела за аккуратность: Шумилов держал бумаги в порядке.

Козлов взял документ, поднёс к лампе, изучил печать и водяной знак. Видно было, что человек привык иметь дело с документами и умеет отличать подделку. Потом вернул лист владельцу, и на его тонких губах мелькнуло что-то вроде усмешки.

— Допустим, — произнёс он. — Бумага подлинная. Но вы, господин Шумилов, должны понимать: время сейчас смутное. Человек, который объявляется у Долгоруких, потом исчезает на три недели, а потом вдруг всплывает в Преображенской слободе, — такой человек вызывает вопросы, на которые приходится отвечать. Иногда — неудобные вопросы.

— Я понимаю, — ответил Виктор, глядя прямо в холодные серые глаза. — И именно поэтому хотел бы знать: кто обо мне расспрашивал? Если это люди, желающие зла государству, — я должен сообщить о них по начальству. Таков порядок.

Козлов слегка приподнял бровь — не то оценил дерзость, не то удивился наивности.

— По начальству? — переспросил он, откидываясь на спинку стула и постукивая пальцами по столу. — А кто, по-вашему, ваше начальство, господин Шумилов? Князь Меншиков?

— Моё начальство — Канцелярия городских дел, — сказал Виктор с той особенной интонацией, с какой говорят заученную формулу. — Я служу не лицам, а государству. Так присягал.

Это был рискованный ход. Но именно такие слова — о государстве, о присяге, о безличном служении — могли понравиться гвардейцам, которые присягали Петру и считали себя не чьими-то ландскнехтами, а опорой державы. Виктор бил в эту точку сознательно. Он помнил из документов: преображенцы и семёновцы, особенно старые служаки, болезненно реагируют

вали на любые попытки превратить их в инструмент придворных партий. Они хотели служить престолу, а не лицам.

Человек в капюшоне вдруг шевельнулся. Движение было медленным, но Виктор уловил его краем глаза: длинные, тонкие пальцы легли на стол. Пальцы человека, привыкшего к перу и бумаге, а не к шпаге.

— Красиво говорит, — произнёс он, и голос у него оказался глухим, но неожиданно чётким, словно каждое слово он предварительно взвешивал на аптекарских весах. — А ты, Шумилов, вот что скажи. Помнишь ли, как в Новгороде описи вёл? Про четыре вотчины, что на имя Шереметевых записаны были, а потом отошли в казну? Помнишь, кто подписывал приёмные листы?

Это была проверка. Не просто вопрос, а ловушка: человек в капюшоне проверял, действительно ли перед ним тот самый Шумилов, или же самозванец, занявший его место. Виктор не знал ответа. Архивные материалы по новгородским конфискациям он изучал, но фамилию конкретного писца, подписывавшего приёмные листы в 1723 или 1724 году, не помнил. Да и не мог помнить: в диссертации он фокусировался на финансовых потоках, а не на делопроизводственной рутине.

Поэтому он пошёл ва-банк — с единственным оружием, которое у него было.

— Не помню, — признался он, и это «не помню» прозвучало почти вызывающе. — Три недели в горячке лежал, мозговой. Память отшибло напрочь. Имена, даты, бумаги — всё как в тумане. Монахи уж соборовать хотели, еле выкарабкался. Если знаете — напомните! Буду благодарен

Повисла пауза. Такая глубокая, что слышно как потрескивает фитиль масляной лампы, а на улице перекликаются часовые. Виктор стоял, чувствуя, как на спине, под грубой тканью тулупа, выступает испарина — и как морозный сквозняк из-под двери тут же её остужает.

Потом человек в капюшоне коротко, сухо рассмеялся.

— Правду говорит, — сказал он, обращаясь к Козлову. — Я справлялся вчера через своих людей: Шумилов и правда лежал в Александро-Невской обители без памяти. Монахи соборовать собирались, келарь подтвердил. Лекарь, что его пользовал, сказывал — горячка мозговая, мог и вовсе рассудка лишиться. Так что память ему действительно отшибло. Это не подстава, Козлов. Отпусти.

Козлов помедлил, словно взвешивая услышанное, потом коротко кивнул Щепотьеву:

— Проводи господина Шумилова до извозчика. И проследи, чтобы без приключений. Не ровён час, наскочат на него в темноте — потом отвечай.

Щепотьев молча отступил на шаг, освобождая проход. Виктор поклонился — ровно настолько, насколько кланялся бы подканцелярист поручику: с почтением, но без подбострастия, — и вышел.

Уже на улице, когда отошли от гауптвахты на безопасное расстояние и за спиной стихли шаги часового, Щепотьев вдруг остановился и придержал Виктора за рукав. Ночь вокруг стояла глухая, беззвёздная; только снег скупно отсвечивал в свете дальних фонарей, да где-то за казармами лаяла собака.

— Ты, Шумилов, вот что — начал он и осёкся, словно подбирая слова, непривычные для служивого. — Я не знаю, чей ты человек на самом деле. И знать не хочу. Но если ты от светлейшего — передай ему кое-что...

Виктор промолчал, ожидая продолжения. В темноте лицо сержанта казалось вырезанным из серого камня — неподвижное, с глубокими тенями в глазницах.

— Не все в полку против него, — произнёс Щепотьев негромко, почти вполголоса, но так, что каждое слово падало отдельно и веско. — Есть и такие, кто за порядок. Только порядок нынче дорог! Очень дорог И не все могут его заплатить

— А ты, выходит, за порядок платишь? — спросил Виктор так же тихо.

Они стояли друг против друга: бывший подканцелярист в нагольном тулупе — и сержант гвардии, коренастый, шрамолицый, с глазами, в которых отражался далёкий свет фонарей.

— Я за Россию плачу, — ответил Щепотьев глухо. — А кому плачу — это уж моё дело. Ты вот что, Шумилов Ты бы поосторожнее. За тобой следят. И не только мы. Твоё исчезновение многим показалось подозрительным. И твоё возвращение — тоже.

Он резко повернулся и зашагал обратно к гауптвахте, увязая сапогами в снегу и не оглядываясь. Виктор остался стоять в темноте, глядя ему вслед, и в голове вертелась одна-единственная мысль.

Этот сержант из списка подозреваемых, возможно, вовсе не враг Возможно, он — колеблющийся. А колеблющихся в такой борьбе всегда больше, чем убеждённых. И тот, кто перетянет их на свою сторону, — тот и победит.

Эту истину Виктор помнил из истории. Он сам когда-то написал об этом статью в «Вопросах истории» — о роли колеблющихся элит в дворцовых переворотах XVIII века. Тогда это была теория. Теперь — практика.

Извозчика он нашёл быстро: тот самый мужик в рваном треухе, что привёз его в слободу, мирно дремал в санях, натянув на уши драный тулуп. Лошадь стояла, понурился морду, и, кажется, тоже дремала. Виктор растолкал возницу и назвал адрес — особняк Меншикова на Васильевском острове.

Докладывать пока рано, но несколько имён и предварительных выводов уже сформировались в голове. К тому же после встречи с Козловым и человеком в капюшоне требовалось предупредить светлейшего: интерес к Шумилову известен врагам. Или станет известен в самое ближайшее время. И ещё одно: кто-то справлялся о нём в монастыре. Значит, у Долгоруких есть глаза даже там. Это меняло дело.

Час спустя, когда особняк на Васильевском уже погрузился в полумрак, Виктор стоял перед Меншиковым и кратко, по-военному, докладывал о событиях в слободе.

Князь выслушал. Лицо его оставалось бесстрастным, но пальцы правой руки выбивали дробь по эфесу шпаги — единственный признак напряжения.

— Значит, Щепотьев сказал: есть и такие, кто за порядок, — повторил Меншиков задумчиво. — Это интересно. Очень интересно. Щепотьева я считал человеком Долгоруких — верным, купленным с потрохами. А он, выходит, сам по себе. Не куплен, а колеблется. Это даже ценнее, чем верный человек

— Он напуган, — заметил Виктор. — И, кажется, ищет, к кому примкнуть. Но ищет не того, кто больше даст, а того, кто окажется прав.

— Правых у нас нет, — усмехнулся Меншиков, и усмешка эта была горькой. — Есть только те, кто победит, и те, кто проиграет. Но если Щепотьев ищет правого — пусть ищет. Мы ему эту правду предъявим. Ты, Иван Григорьевич, продолжишь ходить в слободу. Но теперь — осторожнее. Слишком быстро ты примелькался. То, что ты исчез тогда и теперь возник снова, — это плохо. Люди Долгоруких насторожатся. Завтра пошлём туда другого человека, пусть покрутится среди солдат, а ты займёшься иным.

— Чем именно? — спросил Виктор.

Меншиков обернулся. В серых глазах мелькнуло то самое выражение, которое Виктор про себя назвал волчьим: холодное, оценивающее, не пропускающее ни одной детали.

— Ты говорил давеча, что неплохо разбираешься в родословных. Это правда?

— Правда!

Теперь можно было не скромничать. Скрывать свои знания Виктор больше не собирался: они были его единственным капиталом в этом мире.

— Тогда займёшься Голицыными, — сказал Меншиков. — Князь Дмитрий Михайлович затеял что-то бумажное, тихое, но, судя по всему, крайне опасное. Ходит к нему немец-закон-

ник из Гёттингена, некий Беккер, толкуют о каких-то «кондициях». Я хочу знать, что за кондиции, кто за ними стоит и кому они выгодны.

— Кондиции? — переспросил Виктор, хотя мысленно уже сопоставлял факты. Реальные «кондиции» — проект ограничения самодержавия — появятся лишь через пять лет, при Анне Иоанновне. Но здесь Голицыны, похоже, начали разрабатывать эту идею раньше. История уже пошла по-другому — или он просто не знал о ранних стадиях замысла.

— Кондиции, — повторил Меншиков. — Слово латинское. Означает условия. Князь Дмитрий, видать, хочет поставить государю условия. Или государыне. Я этого допустить не могу.

Он помолчал, потом добавил:

— И вот ещё что. Через два дня государыня устраивает малый приём в Зимнем. Ты будешь присутствовать как мой секретарь. Увидишь всех, кого тебе надлежит знать в лицо. А заодно познакомишься с одной особой, которая может быть тебе весьма полезна.

— С кем именно?

— С моей свояченицей, Варварой Михайловной Арсеньевой. Она при государыне состоит. Умна, глазаста и знает то, чего порой не знаю я. Присмотришься к ней. Она тебе пригодится. И ты — ей.

Меншиков сделал паузу и добавил с нажимом:

— Только, Иван Григорьевич, без глупостей. Ты человек новый, неизвестный. При дворе тебя станут пробовать на зуб. Не поддавайся. Помни: у тебя есть только один покровитель. И он не прощает неверности.

Виктор молча поклонился. Что тут можно было сказать?

В приёмной его нагнал Волков — уже без обычной полуулыбки, а с озабоченным лицом.

— Велено передать, — произнёс он бесцветным, канцелярским тоном, — что для вас приготовлена комната в западном крыле. Вещи из монастыря уже доставлены. Ужин подадут через час. Завтра в восемь утра жду вас здесь же. Будете заниматься бумагами. Светлейший велел пока не высовываться.

Виктор кивнул и двинулся за слугой по длинным, гулким коридорам особняка.

Комната, куда его привёл слуга, оказалась небольшой, но вполне обжитой: кровать с пуховой периной, дубовый стол, шкаф для платья, кафельная печка, испускавшая ровное сухое тепло. На стуле лежал аккуратно сложенный новый камзол — тёмно-синий, без шитья, но добротного сукна, с простыми оловянными пуговицами. Рядом — пара чулок, батистовый шейный платок и туфли с серебряными пряжками.

Виктор сбросил тулуп, сел к столу и вынул чистый лист. Привычка историка — фиксировать наблюдения сразу, пока они свежи, — брала своё. Мелким, убористым почерком, которым писал Шумилов, он вывел:

«Преображенский полк. Состояние тревожное. Разброд. Колеблющихся больше, чем верных. Недовольство скупостью Меншикова. Влияние Долгоруких заметно — через денежные раздачи. Щепотьев — возможный союзник. Козлов — вероятный враг. Человек в капюшоне — ключевая фигура, проверил знание новгородских дел. Справлялся обо мне в монастыре. Голицыны — готовят кондиции. Двор — малый приём через два дня. Арсеньева — свояченица Меншикова, при императрице.

Главное: Настоящий Шумилов до болезни активно работал и у Долгоруких, и в слободе. Его исчезновение связали с болезнью государя. Теперь его возвращение — под вопросом. Если вскроется, что он работал на две стороны, — мне конец».

Он задул лампу и лёг в кровать. Перина была мягкой, подушка — пуховой, одеяло — стёганым. После монастырского тюфяка с соломой это казалось царской роскошью.

Но сон пришёл не сразу. Виктор лежал в темноте и думал о том, что настоящий Шумилов явно вёл сложную игру. Ходил к Долгоруким. Крутился в полку. Исчез. А теперь вернулся —

но уже не он. И те, кто знал его прежде, чувствуют подмену, даже если не могут её сформулировать.

Виктор закрыл глаза и позволил себе последнюю мысль перед тем, как провалиться в сон:
Я пока жив. И пока я жив — история ещё не написана.

Глава 3. Малый приём

25 января 1725 года. Санкт-Петербург, Зимний дворец. За три дня до смерти императора.

Утро двадцать пятого января выдалось морозным и ясным — редкое сочетание для Петербурга, который обычно встречал зиму туманами и слякотью. Солнце висело низко над Невой, заливая набережные таким ослепительным светом, что снег казался сахарным, а тени — налитыми синевой. В такие дни город выглядел почти празднично, и лишь чёрный шпиль Петропавловского собора напоминал: праздник здесь всегда соседствует с тревогой.

Виктор проснулся слишком рано. Он долго лежал, глядя в низкий потолок отведённой ему комнаты и размышлял. Сегодня предстояло первое явление двору — не в качестве просителя или зеваки, а в свите самого светлейшего. От этой мысли внутри всё сжималось в тугую, холодный ком. Нет, не страх даже, просто обострённое чувство реальности происходящего. Ещё месяц назад он перебирал архивные описи, а теперь должен идти в Зимний дворец, видеть живую императрицу Екатерину Алексеевну, говорить с людьми, чьи имена остались в учебниках истории. И, что хуже всего, — не выдать себя ни единым жестом, ни единым взглядом.

Он встал, умылся ледяной водой из кувшина оделся в новый тёмно-синий камзол, повязал шейный платок и пригладил волосы. Зеркало отразило чужое, но уже почти привычное лицо: худощавое, с резкими скулами, с тёмной, начавшей отрастать бородкой. Глаза смотрели настороженно — но это было кстати: секретарь светлейшего и не должен выглядеть беззаботным.

Волков ждал его в приёмной ровно в восемь. Секретарь князя был, как всегда, безупречен: тёмно-зелёный кафтан, парик с буклями, серебряные пряжки на туфлях. Он окинул Виктора быстрым, оценивающим взглядом, каким офицер осматривает новобранца перед смотром.

— Сойдёт, — резюмировал он. — Не придворный щёголь, но и не подьячий из приказа. То, что надобно. При дворе вас должны заметить ровно настолько, насколько нужно светлейшему. Не больше.

— И насколько же это?

— Достаточно, чтобы вы запомнили лица. Недостаточно, чтобы лица запомнили вас. — Волков поправил манжет. — Приём малый, для своих. Государыня будет в малой столовой, не в тронном зале. Гостей — человек тридцать, не считая прислуги. Приглашены только те, кому светлейший доверяет. Ну, или думает, что доверяет. Среди них — генерал Бутурлин, адмирал Апраксин, граф Толстой, барон Остерман. Из дам — княгиня Голицына, графиня Шереметева и Варвара Михайловна Арсеньева, свояченица светлейшего. С ней вам надлежит познакомиться в первую очередь.

— Как мне представиться?

— Секретарь светлейшего по особым поручениям. Имя — Иван Григорьевич Шумилов. Происхождение — дворянин новгородский. — Волков усмехнулся. — Не бойтесь, бумаги я подготовил. Ежели спросят про род — сошлитесь на разорение после шведской войны, это все поймут. И ещё: сегодня не заговаривайте ни с кем первым, пока князь не представит. Стойте у стены, смотрите, запоминайте. Вечером доложите.

Он протянул Виктору небольшую, туго набитую папку.

— Здесь списки гостей с краткими приметами. Выучите, пока едем.

Зимний дворец, ещё не перестроенный Растрелли в барочное великолепие, а скромный, петровский, двухэтажный, с высокими голландскими окнами и черепичной крышей, встретил

их запахом воска и лёгкой сырости. У крыльца толпились сани и кареты. Лакеи в ливреях перекрикивались, кучера хлопали руками в рукавицах. Виктор, выбравшись из саней следом за Волковым, поймал себя на мысли, что смотрит на всё это глазами историка, а не участника, — и одёрнул себя. Здесь нет историков. Здесь есть только живые люди, и каждый из них может оказаться опасен.

Внутри было теплее, но ненамного. Дворец отапливался голландскими печами, и в покоях императрицы воздух был почти уютным, а вот коридоры и приёмные продувались сквозняками. Гвардейцы в зелёных мундирах вытягивались при виде светлейшего, который вошёл через несколько минут после Виктора — в окружении двух адъютантов и собственного карлика-шута, неизменного спутника. Меншиков шагал широко, не глядя по сторонам, и сама его походка, размашистая и твёрдая, говорила: я здесь хозяин.

В малой столовой уже собрались приглашённые. Комната была обшита дубовыми панелями, украшена гобеленами с морскими сценами (дань петровскому флоту) и освещена двумя дюжинами свечей в массивной люстре. У дальней стены, под портретом Петра в латах, стояло кресло императрицы, пока пустовавшее. Гости разбились на группы: военные — ближе к камину, дипломаты — у окна, дамы — отдельно, вокруг небольшого столика с закусками.

Виктор, как и велел Волков, занял место у стены, неподалёку от двери, и принялся изучать собравшихся, сверяясь с памяткой.

Генерал Бутурлин, командир преображенцев, стоял у камина, расставив ноги и заложив руки за спину. Высокий, сутуловатый, с грубым, словно вырубленным топором лицом и седыми усами. Он говорил что-то адмиралу Апраксину — сухому, пожилому человеку в тёмно-синем морском кафтане с орденом Андрея Первозванного на груди. Рядом с ними вертелся невысокий, подвижный человек в парике с чрезмерно длинными буклями — барон Остерман, вице-канцлер, которого Виктор знал по историографии как одного из самых хитроумных политиков эпохи. Остерман не вступал в разговор, но слушал с таким вниманием, что, казалось, каждое услышанное слово немедленно сортировалось и укладывалось в невидимые ячейки его памяти.

Дамы собрались у столика. Княгиня Голицына — полная, величественная, в тёмно-лиловом платье с жемчужной вышивкой — держалась с достоинством, которое граничило с надменностью. Рядом с ней, но чуть поодаль, стояла графиня Шереметева, молодая, красивая, с нервным, почти испуганным лицом. И, наконец, Варвара Михайловна Арсеньева.

Виктор узнал её сразу, хотя прежде не видел ни одного портрета. Она не походила на придворных красавиц. Высокая, стройная, с бледным, почти без румянца лицом и тёмными, гладко зачёсанными волосами, открывавшими высокий лоб. Одежда — тёмно-синее платье без лишней отделки, с белым кружевным воротом, — подчёркивала скорее ум, чем положение. Она не кокетничала, не смеялась в ответ на шутки, не искала взглядов. Просто стояла, чуть склонив голову, и слушала, как княгиня Голицына обсуждает последние новости из Москвы. Но в этой неподвижности было что-то, заставлявшее возвращаться к ней взглядом. Может быть, глаза — серые, ясные, смотревшие прямо, без придворной поволоки.

«Умна, глазаста», — вспомнил Виктор слова Меншикова. Князь не преувеличил.

В этот момент появилась императрица.

Екатерина Алексеевна вошла без предупреждения и без церемоний — как входила всегда при Петре, когда тот не терпел этикета. Ей было около сорока, но сейчас она выглядела старше: лицо осунувшееся, под глазами тени, губы сжаты. Одета она была, однако, подобающе: в серебристое платье, расшитое цветами, с высокой причёской и жемчужным ожерельем в несколько нитей. За ней следовали две фрейлины и лекарь Блюментрост — сухой, длинноносый немец с кожаным чемоданом, который он не выпускал из рук даже на приёме.

Гости поклонились. В ответ Екатерина кивнула с тем особым, усталым достоинством, которое бывает у людей, привыкших прятать тревогу за вежливостью.

— Благодарю, что собрались, — произнесла она негромко, но так, что услышали все. — Сегодня не будет долгих речей. Государь нездоров, и сердце моё не лежит к праздности. Но я желала видеть тех, на кого могу положиться.

При этих словах Виктор заметил, как переглянулись несколько человек. Бутурлин нахмурился. Остерман чуть прищурил левый глаз. Меншиков, стоявший в центре зала, остался неподвижен, но пальцы его правой руки привычно легли на эфес.

— Прошу садиться, — сказала Екатерина, опускаясь в кресло. — Обед подадут позже, а пока я хочу слышать новости.

Начался общий разговор — тот род светской беседы, который лишь притворяется непринуждённым. Говорили о погоде, о здоровье императора (вскользь, не называя диагноза), о прибытии в Ревель английской эскадры, о слухах из Голштинии. Виктор слушал и запоминал. Он знал из собственных исследований, что именно в эти дни английский адмирал Норрис действительно вошёл в Балтику с эскадрой, демонстрируя недовольство Лондона русскими претензиями в голштинском вопросе. Но здесь, в этой комнате, эта новость звучала не как исторический факт, а как прямая угроза.

— Англичане требуют отозвать герцога Карла-Фридриха от русского двора, — негромко докладывал Остерман, обращаясь скорее к императрице, чем к собранию. — Посол Норрис передал через датского резидента, что ежели Россия не прекратит вмешательства, британский флот может перейти к действиям.

— То есть к войне? — резко спросил Бутурлин.

— К демонстрации, — мягко поправил Остерман. — Но демонстрация на Балтике легко может стать войной, если кто-то проявит слабость. А мы сейчас

Он не договорил, но все поняли. Слабость — это умирающий император. Слабость — это неясность с престолонаследием. Слабость — это Долгорукие и Голицыны, которые могут воспользоваться моментом.

Екатерина слушала, прикрыв глаза. Потом подняла взгляд на Меншикова.

— Александр Данилович, а ты что скажешь?

Меншиков чуть склонил голову.

— Я скажу, матушка-государыня, что английский адмирал далеко, а русская гвардия близко. Флот Норриса не пройдёт через лёд. А к весне мы будем готовы его встретить так, как учил нас государь.

— Но государь болен, — тихо произнесла Екатерина. И в этой фразе было больше боли, чем она могла себе позволить.

Наступило неловкое молчание. И тогда в разговор вступила Варвара Арсеньева.

— Ваше величество, — сказала она спокойным голосом, — если позволите, я хотела бы заметить: именно сейчас нам надлежит держаться так, словно государь рядом. Он всегда учил не показывать слабости перед внешним врагом. И сейчас самое время доказать, что мы этот урок усвоили.

Екатерина подняла на неё глаза и впервые за весь приём едва заметно улыбнулась.

— Ты права, Варюша. Именно так.

Виктор отметил про себя: свояченица Меншикова говорит в присутствии высших сановников как равная. Её слушают. Ей улыбается императрица. Значит, она не просто «умна» и «глазаста» — она имеет вес.

После этого разговор перетёк в более спокойное русло. Подали обед — лёгкий, но без излишеств. Уха из свежей невской корюшки, холодная телятина, пироги с капустой и грибами, взвар с мёдом. Ели стоя, переходя от стола к столу; этикет малых приёмов был куда свободнее парадного. Меншиков подозвал Виктора, представил его Бутурлину как «человека, который ведёт бумаги по провиантским делам», и генерал, кивнув, тут же забыл о нём — что и требовалось.

А потом, когда гости начали расходиться и императрица удалилась в свои покои, Волков тронул Виктора за локоть.

— Идёмте.

— Куда?

— Варвара Михайловна желает с вами говорить

Она ждала в боковой гостиной — небольшой комнате, обитой голубым шёлком, с книжным шкафом у стены и клавесином в углу. У окна стоял маленький столик с двумя чашками, чайником и вазочкой с засахаренными фруктами. Сама Варвара сидела у клавесина, но не играла — просто сидела, сложив руки на коленях. Когда Волков ввёл Виктора и тут же удалился, закрыв за собой дверь, она поднялась и оглядела его тем самым прямым, оценивающим взглядом, которым смотрела на приёме.

— Иван Григорьевич Шумилов, — произнесла она скорее утвердительно, чем вопросительно. — Мне говорил о вас светлейший.

— Надеюсь, он не слишком преувеличил мои скромные достоинства, — ответил Виктор, стараясь, чтобы голос звучал ровно и даже чуть иронично. В разговорах с умными женщинами, он знал, лучше держаться с лёгкой самоиронией, чем с почтительностью.

Варвара чуть приподняла бровь.

— Светлейший вообще склонен к преувеличениям, но не в делах, касающихся службы. Он сказал вы хорошо разбираетесь в документах. Это правда?

— Я учился этому.

— Где?

Вот она — первая проверка.

— В Новгороде, — ответил Виктор, припоминая легенду, составленную Волковым. — Служил в Канцелярии городских дел. Занимался описями конфискованных имений.

Варвара кивнула, но взгляд её остался цепким.

— Светлейший также сказал, что вы недавно перенесли горячку и при этом потеряли память. Это правда?

— Правда.

— И вы не помните того, что было до болезни?

— Почти ничего.

— Странно, — произнесла она задумчиво. — Человек без памяти — как книга с вырванными страницами. Не знаешь, что на них было: долги, обещания, предательства. Опасно такого человека приближать к себе.

— Возможно, — ответил Виктор, глядя ей прямо в глаза. — Но, с другой стороны, человек без памяти — это чистый лист. На нём можно написать что угодно.

Варвара помолчала, и по её лицу пробежала тень усмешки — быстрая, почти неуловимая, но Виктор её заметил.

— Хорошо сказано, — признала она. — Садитесь, Иван Григорьевич. Чай стынет. Я люблю пить чай и не люблю когда он остывает

Шумилов сел. Она разлила чай — крепкий, тёмный, явно не из дешёвых, — и придвинула вазочку с засахаренными фруктами.

— Я позвала вас не для праздной беседы, — начала она, когда оба сделали по первому глотку. — Светлейший просил меня присмотреться к вам. И я хочу сделать это сама, без его подсказок. При дворе много говорят. Говорят о скорой перемене. Говорят, что есть люди, которые хотят использовать эту перемену для собственной выгоды. Вы понимаете, о чём я?

— Понимаю

— Тогда скажите мне, Иван Григорьевич: чей вы человек?

Виктор отставил чашку. Это был опасный вопрос. Ответить «светлейшего» — значит признать себя чьим-то инструментом. Ответить «государев» — прозвучит высокопарно и фальшиво. Ответить уклончиво — вызовет подозрение.

— Я человек дела, — сказал он наконец. — И хочу, чтобы Россия не погрузилась в хаос. Если для этого надо служить светлейшему — я служу ему. Если надо будет служить императрице — буду служить ей. Но я не служу ни Долгоруким, ни Голицыным, ни кому-либо ещё.

Варвара выслушала, не перебивая. Потом поставила чашку на стол.

— Это хороший ответ, — сказала она тихо. — Правильный. Но знаете, что меня настораживает?

— Что?

— Вы говорите как человек, который знает будущее. Или думает, что знает. А такие люди либо пророки, либо безумцы, либо интриганы, которые водят всех за нос. Я пока не решила, кто вы. Но я узнаю!

Виктор чуть наклонил голову, признавая её правоту. Внутри у него всё похолодело. Она была слишком умна. Опасна. И в то же время — невероятно притягательна именно этим: умом, прямоотой, отсутствием жеманства.

— Узнавайте, — сказал он. — Я не прячусь.

— Прячетесь, — возразила Варвара. — Каждый человек прячется.

Разговор на этом закончился. Она поднялась, давая понять, что аудиенция окончена.

— Я буду иметь вас в виду, Иван Григорьевич. Идите. И постарайтесь не попасть в беду раньше, чем я разгадаю вашу тайну.

Виктор поклонился и вышел. В коридоре его ждал Волков с непроницаемым лицом.

— Ну что? — спросил он.

— Она опасна, — признался Виктор.

— Ещё как, — хмыкнул Волков. — Поэтому князь её и держит при себе. А теперь идёмте: светлейший желает слышать ваш доклад. Не об Арсеньевой — о том, кого вы видели и что заметили. И ещё — у меня для вас новое поручение.

— Какое?

— Завтра вы поедете к Голицыным.

Глава 4. Дом Голицыных

26 января 1725 года. Санкт-Петербург. За два дня до смерти императора.

Утро началось с серого, низкого неба и мелкого града барабанившего по стёклам. Погода переменялась за ночь. Ясный мороз уступил место пронизывающей сырости с залива, и теперь Петербург выглядел так, как выглядит обычно в конце января, — съёжившимся, нахохлившимся, словно продрогший путник. Нева дымилась полыньями; вороны каркали над ледяными торосами.

Шумилов спустился в приёмную к восьми, как и было велено. Волков уже ждал его — на этот раз один, без слуг. Секретарь светлейшего выглядел озабоченным, он расхаживал взад-вперёд перед дубовым столом и крутил в пальцах свою неизменную печатьку.

— Завтракали? — бросил он вместо приветствия.

— Нет.

— Хорошо. Поедите у Голицыных. Князь Дмитрий Михайлович хлебосолен, грех отказываться. А теперь слушайте внимательно, потому что от того, как вы себя сегодня покажете, зависит многое. Очень многое

Он развернул на столе большой лист гербовой бумаги, исписанный убористым почерком.

— Это родословная Голицыных. Основные ветви, браки... Светлейший сказал, что в родословных вы разбираетесь. Так вот, подтвердите или умрите!

Шумилов пробежал по бумаге глазами. Род Голицыных он знал — по архивам, по диссертации, по десяткам прочитанных документов. Князь Дмитрий Михайлович Голицын, старший в роде, действительный тайный советник, президент Камер-коллегии, один из образованнейших людей эпохи. Его младший брат Михаил Михайлович-младший, фельдмаршал. Племянник — Василий Владимирович, командир Семёновского полка. Все они держались особняком от Долгоруких, не участвовали в их шумных заговорах, но это не означало лояльности Меншикову.

— Я знаю эту родословную, — сказал он, отрываясь от бумаги. — Но зачем она мне сегодня?

— Затем, что вы пойдёте к князю Дмитрию Михайловичу под видом архивариуса, присланного из Москвы для описи книг и рукописей из собрания его покойного дяди, князя Василия Васильевича. Князь Василий умер летом прошлого года, библиотека его до сих пор не разобрана и князь Дмитрий уже дважды посылал в Москву за архивариусом. Вчера я перехватил его письмо. Сегодня вы явитесь вместо московского архивариуса.

— А настоящий архивариус?

— Заболел, — скупно усмехнулся Волков. — Прямо в дороге, не доезжая до Петербурга. Наш человек в Новгороде задержит его на неделю. Так что время у вас есть.

Шумилов мысленно восхитился: Меншиков работал быстро. И цинично.

— Как меня зовут на этот раз?

— Своё имя оставьте. Иван Шумилов, архивариус из Разрядного приказа. Бумаги и одежду я подготовил. Вас ждут.

Он кивнул на свёрток, лежавший на стуле. Там оказался скромный, но добротный кафтан серого сукна, подходящий чиновнику средней руки, и кружевной шейный платок поскромнее вчерашнего. Ничего, что выдавало бы секретаря Меншикова.

— И последнее, — добавил Волков, когда Виктор-Иван переодевался за ширмой. — Князь Дмитрий — человек осторожный. Он будет проверять вас. Не на документах — документы я сделал безупречно. Он будет проверять вас на знании книг. Вы ведь разбираетесь в книгах?

— Разбираюсь, — ответил Виктор, поправляя ворот. В конце концов, историк — это тот же архивариус, только зарплата меньше.

— Тогда с Богом. Сани у крыльца

Дом Голицыных на набережной Мойки был куда скромнее особняка Меншикова — двухэтажный, каменный, без колонн и лепнины, но с высокой голландской крышей и большими, ясными окнами, в которых отражалось серое петербургское небо. Ни караула, ни гайдуков у входа — только старый привратник в ливрее, который, узнав имя, кивнул и провёл гостя в дом.

Внутри пахло книгами. Этим особенным, сухим, чуть сладковатым запахом старых кожаных переплётов, восковых свечей и едва уловимой плесени — не запущенной, а благородной, какая бывает в домах, где поколениями собирают библиотеки. Стены прихожей увешаны картами и гравюрами: «План Москвы», «Осада Нарвы», портрет Петра в латах. В углу — дубовый шкаф с рядами фолиантов за стеклом. У лестницы — мраморный бюст какого-то античного философа. Виктор не сразу опознал в нём Сенеку: каменный лоб мыслителя был заляпан воском от свечи.

— Господин Шумилов? — раздался голос.

Из боковой двери вышел человек лет сорока пяти, сухощавый, с высоким лбом и небольшими, глубоко посаженными глазами, смотревшими изучающе, но без враждебности. Одет он был по-домашнему: в простой суконный камзол без шитья и белый шейный платок, повязанный небрежно, по-учёному. Виктор сразу понял: это не дворецкий, это кто-то из своих.

— Матвей Иванович, секретарь его сиятельства, — представился тот, чуть поклонившись. — Князь ждёт вас в библиотеке. Прошу за мной.

Они поднялись на второй этаж по широкой лестнице, миновали коридор, увешанный портретами Голицыных разных поколений (Виктор успел заметить сходство: те же высокие лбы и тонкие губы), и вошли в двухсветный зал.

Библиотека Голицыных была огромна. Два яруса книг, уходящих к потолку. Узкие галереи с деревянными перилами. шкафы тёмного дуба с медными застёжками. приставные лесенки на колёсиках. и два больших стола, заваленных бумагами, картами, свитками и раскрытыми книгами. Свет лился из высоких окон, смягчённый лёгкой кисеей. И в этом свете, у дальнего стола, стоял князь Дмитрий Михайлович Голицын собственной персоной.

Князь был выше, чем представлял себе Виктор по гравюрам. Худощавый, прямой, с длинным лицом и седыми волосами, собранными в простую мужскую косу. Он выглядел не как царедворец, а как профессор старой школы. Одет в тёмно-зелёный камзол, без орденов. В руке — раскрытая книга в потемневшем переплёте. Рядом на столе — серебряный поднос с двумя чашками и кофейником. Видно, ждал гостя.

— Иван Григорьевич Шумилов, — произнёс он, откладывая книгу, и голос у него оказался мягким, с московским выговором, растягивавшим гласные. — Из Москвы, стало быть?

— Так точно, ваше сиятельство, — ответил Виктор, кланяясь. — Прислан по распоряжению Разрядного приказа для разбора книжного собрания покойного князя Василия Васильевича.

— Долго же вас ждали! Я уж думал, московские архивариусы все повымерли

— Не повымерли, ваше сиятельство, но срочные дела задерживают. После смерти государевой сестры царевны Натальи Алексеевны библиотека её перешла в казну, и нас, архивариусов, рвут на части.

Это была чистейшая правда — реальная, историческая, хорошо известная Виктору по документам. Царевна Наталья Алексеевна, любимая сестра Петра, умерла в 1716 году, и её обширное книжное собрание действительно поступило в казну. Князь Дмитрий, знаток и любитель книг, он не мог не знать об этом.

И точно, Голицын одобрительно кивнул.

— Понимаю Царевна была великой любительницей чтения. Её библиотека — сокровище. Надеюсь, вы с нею обращались достойно?

— Старались, ваше сиятельство.

— Что ж, поглядим, как вы обращаетесь с нашим собранием. — Голицын обвёл рукой зал. — Здесь книги моего дяди, князя Василия Васильевича, и мои собственные. Увы, они смешались. Надобно отделить одно от другого, составить опись и выяснить, что из собрания дяди достойно передачи в Академию наук, а что останется здесь. Справитесь?

— Постараюсь.

— Не постарайтесь — сделайте! Матвей Иванович покажет вам каталоги. Если будут вопросы — я здесь. Обедать будем вместе. — Он чуть помедлил. — И вот что... Вы ведь, кажется, из новгородских дворян, я правильно помню?

Виктор напрягся. Откуда Голицын знает происхождение Шумилова? Неужели навёл справки так быстро? Или Волков что-то напутал в бумагах?

— Так и есть, ваше сиятельство.

— Я помню одного Шумилова, — задумчиво произнёс Голицын. — Служил при воеводе в Старой Руссе ещё в девяностых годах. Не ваш ли батюшка?

Виктор похолодел. Это была ловушка — или случайность? Настоящий Шумилов мог что-то знать о своём отце, но Виктор не знал ничего. Он понятия не имел, служил ли отец Шумилова в Старой Руссе или нет.

— Мой отец служил в Новгородской губернской канцелярии, — ответил он осторожно. — Был подканцеляристом. Воеводы Старорусского я не застал, мал был.

Голицын смотрел на него несколько мгновений — так долго, что Виктору показалось, будто сердце остановилось, — потом кивнул.

— Хорошо. Приступайте. Матвей Иванович, покажите господину Шумилову каталоги. И принесите ещё кофе.

Виктор перевёл дыхание.

Работа в библиотеке заняла следующие три часа. Матвей Иванович, оказавшийся толковым и немногословным помощником, принёс стопку старых каталогов — писанных на голландской бумаге, в кожаных переплётках с медными застёжками, — и оставил Виктора одного. Тот принялся за разбор, и вскоре его захватило привычное чувство исследовательского азарта.

Собрание действительно было великолепным. Труды по истории, юриспруденции, философии. Латинские авторы, французские энциклопедисты, немецкие правоведы. Пуфендорф и Гроций, Лейбниц и Локк, Бэкон и Монтень. Книги на греческом и древнееврейском. Рукописи — византийские хроники в переводах, русские летописи, богословские трактаты. Здесь была целая стена, посвящённая государственному праву. Кстати, именно на неё, как заметил Виктор, чаще всего падал взгляд хозяина библиотеки. Хозяин дома активно интересовался законами.

Он работал быстро, обладая навыком, который дают годы архивных изысканий: книга за книгой, шифр за шифром, пометка в описи. Но при этом он не забывал слушать и смотреть. В библиотеку то и дело заходили люди — не только Матвей Иванович, но и другие. Один раз заглянул молодой человек в мундире Семёновского полка — племянник князя, Василий Владимирович, — но, увидев чужого, тут же вышел и закрыл дверь. Ещё через час, когда Виктор разбирал нижний ярус у окна, дверь отворилась снова, и на пороге появился незнакомец, ради которого, как чуял Виктор, он сюда и был послан.

Человек лет пятидесяти, сухощавый, в тёмном немецком платье — без парика, с редкими волосами, зачёсанными набок, — с кожаным портфелем под мышкой и выражением лица, которое Виктор определил бы как «профессорское неодобрение». Именно таким он и представлял себе немецкого законника Беккера.

Незнакомец осмотрел зал, заметил Виктора, чуть нахмурился, но ничего не сказал и прошёл в дальний угол, где стоял стол с бумагами. Там он сел, раскрыл портфель, вынул несколько листов и принялся что-то писать. Виктор, оставаясь на своём месте, не сводил с него оstarожного взгляда.

Прошло около четверти часа. В библиотеку вошёл сам князь Дмитрий Михайлович. Он напрямик направился сразу к немцу. Они заговорили естественно по-немецки — негромко, но Виктор, знавший язык достаточно, чтобы читать научные статьи, общий смысл всё же улавливал.

— проект почти готов, — говорил Беккер, раскладывая листы. — Я изложил основные положения так, как обсуждали в прошлый четверг. Власть монарха ограничивается в трёх пунктах: объявление войны и заключение мира, введение новых податей, назначение высших чинов. Всё это переходит к Совету.

— К Верховному Тайному Совету, — поправил его Голицын.

— Да, к Верховному Тайному Совету. Без его согласия ни одно из этих действий не будет иметь законной силы. Кроме того, монарх не вправе казнить дворянина без суда и лишать его имени без доказанной вины. Это пункт четвёртый.

Голицын взял лист, пробежал глазами.

— Хорошо. Но необходимо добавить пункт о престолонаследии. Монарх не может назначать наследника по своей воле. Это должно решаться с согласия Совета.

— Это пункт пятый, — кивнул Беккер. — Я учту.

Виктор замер, делая вид, что изучает переплёт старинного Евангелия. Верховный Тайный Совет. Ограничение власти монарха. «Кондиции», которые в реальной истории будут предложены Анне Иоанновне в 1730 году после смерти Петра II. Но здесь, сейчас, Голицын готовит этот проект ещё при живом, хотя и умирающем, Петре. Для кого? Для Екатерины? Для Петра Алексеевича? Или, может быть, для себя — как условие, на котором он готов поддержать того или иного претендента на престол?

— Когда проект будет готов полностью? — спросил Голицын.

— Через неделю.

— Хорошо. Тогда и обсудим. А теперь идёмте обедать, господин Беккер. И вы, господин Шумилов, прошу к столу.

Виктор вздрогнул. Голицын смотрел прямо на него — и в его глазах мелькало что-то, похожее на усмешку. Неужели заметил? Или просто приглашает из вежливости?

— Благодарю, ваше сиятельство, — произнёс он, откладывая Евангелие. — Вы очень любезны.

Обед подали в малой столовой — такой же скромной, как и всё в этом доме, но с хорошим вкусом. Дубовый стол, фаянсовая посуда, серебряные приборы. Подавали уху из судака, варёную телятину с солёными огурцами, пироги, яблочный взвар. За стол сели четверо: сам князь Дмитрий Михайлович, Матвей Иванович, господин Беккер ну и Шумилов он же Виктор. Последний, всё ещё теряясь кто он есть на самом деле, держался настороженно, но старался есть с аппетитом. Наверняка голодный архивариус вызовет больше подозрений, чем обедающий с удовольствием.

Голицын за столом был более разговорчивее, чем в библиотеке. Расспрашивал о Москве, о Разрядном приказе, о том, какие книги сейчас в ходу у московской знати. Потом неожиданно повернул тему:

— А вы, Иван Григорьевич, ведь, говорят, у светлейшего князя Меншикова бывали?

Виктор чуть не поперхнулся ухой.

— Бывал, — ответил он, вытирая губы салфеткой, чтобы скрыть секундную заминку. — По делам канцелярии. Сверял описи по новгородским вотчинам.

— Понимаю. — Голицын отпил взвара. — Светлейший — человек хозяйственный. Любит, чтобы всё было учтено.

В этом «любит, чтобы всё было учтено» Виктору послышалась нескрываемая ирония. Князь Дмитрий, кажется, отлично понимал, что Меншиков учитывает не только свои доходы, но и чужие слабости.

— Скажите, Иван Григорьевич, — продолжал Голицын, и тон его стал мягче, доверительнее, — а вам никогда не казалось, что Россия сейчас находится на перепутье? Что старые формы правления уже не годятся, а новые ещё не родились?

Это был опасный разговор. Архивариус из Разрядного приказа не должен обсуждать с тайным советником вопросы государственного устройства. Но и отмалчиваться нельзя. Голицын точно проверяет его — не формально, а по существу.

— Казалось, — ответил Виктор, тщательно подбирая слова. — Всякий, кто имеет дело с бумагами, видит, сколь многое зависит от воли одного человека. Когда человек этот мудр и силен — система работает. Когда слабеет — даёт сбой. Сейчас

Он осёкся.

— Договаривайте, — мягко поощрил Голицын.

— Сейчас меня тревожит будущее, ваше сиятельство, — произнёс Виктор, встречая его взгляд. — Государь болен. А престолонаследие неясно. Если начнётся смута, все наши бумаги, описи и реестры полетят в пропасть.

Голицын чуть наклонил голову, обдумывая услышанное. Беккер замер с вилкой в руке. Даже Матвей Иванович, до того молчавший, поднял глаза.

— Вы правы, — негромко сказал Голицын. — Именно поэтому я сейчас и работаю над тем, чтобы смуты не было. — Он помедлил. — Вы историк, архивариус. Вы знаете, сколько раз Россия страдала от произвола. Я хочу, чтобы в будущем произвол стал невозможен. Понимаете?

— Понимаю, — спокойно ответил Виктор.

И он действительно понимал. Голицын был не интриганом в обычном смысле этого слова. Он был идеалистом — тем более опасным, что его идеализм опирался на знание законов и истории. Он хотел ограничить самодержавие — не ради личной власти, как Меншиков, а ради того, что считал общим благом. И если его проект будет принят, Россия может пойти совершенно иным путём.

Но пойдёт ли? В реальной истории «кондиции» провалились. Анна Иоанновна их разорвала, а Голицын умер в опале. Здесь же всё может сложиться иначе — если Меншиков переиграет Голицына сейчас.

За столом возникла пауза. Голицын допил взвар и поднялся.

— Что ж, благодарю за беседу, Иван Григорьевич. Возвращайтесь к работе, если желаете. А нам с господином Беккером пора вернуться к нашим бумагам.

Аудиенция была окончена.

До вечера Виктор перебирал книги и размышлял. К шести часам он составил черновик описи, разложил книги по разделам и попрощался с Матвеем Ивановичем.

— Придёте завтра? — спросил тот.

— Если позволит князь.

— Князь велел вас ждать. Работы много.

«Значит, я им ещё нужен, — подумал Виктор. — Или они хотят держать меня под прищотом».

Уже в санях, по дороге на Васильевский, он сопоставлял услышанное. Голицын готовит конституционный проект — те самые «кондиции», которые должны ограничить власть монарха. Проект почти готов. Немец Беккер — явно опытный юрист, возможно, из Гёттингена,

как упоминал Меншиков. Князь Дмитрий ведёт двойную игру. Внешне он лоялен Екатерине и Совету, а на деле готовит почву для переворота — не военного, а юридического.

Но как он собирается проводить «кондиции» через Верховный Тайный Совет? Кто его союзники? Долгорукие? Вряд ли: они с Голицыными никогда не ладили. Скорее, князь Дмитрий рассчитывает на поддержку старой московской аристократии и на то, что Меншиков, занятый борьбой за престол, упустит бумажную войну.

Что ж, этого Меншиков не упустит. Теперь, когда у Шумилова есть доказательства, светлейший получит всё, что нужно для удара.

Вечером, в особняке на Васильевском, он подробно доложил Меншикову об увиденном и услышанном. Князь слушал, стоя у окна. Сумерки стужались над Невой, и лицо Светлейшего было неподвижным, как гипсовая маска.

— «Кондиции», — повторил он задумчиво. — Значит, Голицын хочет связать государя по рукам и ногам. А сам через Совет будет вертеть страной как захочет. Умно Очень умно. Но ничего не выйдет!

— Что прикажете делать Ваша Светлость?

Меншиков отвернулся от окна и глянул на Виктора тяжёлым взглядом.

— Пока ничего. Ходи к нему, втирайся в доверие. Узнай, кто ещё посвящён в этот проект. И жди моего приказа. — Он помолчал. — И вот что Завтра — двадцать седьмое. Государь умирает. Я это знаю. Когда это случится — начнётся главное. Будь готов в любой час к любой ситуации.

— Я готов!

— Молодец. Теперь иди. И запомни — Голицын тебя проверяет! Он наверняка не поверил ни одному твоему слову. У него нюх, как у старого лиса. Будь осторожен

Виктор поклонился и вышел.

В своей комнате он сел и сделал запись в дневник:

«26 января. Был у Голицыных. Работал в библиотеке. Слышал разговор с Беккером: готовят кондиции — ограничение самодержавия через Верховный Тайный Совет. Пять пунктов, включая престолонаследие. Голицын умён и опасен. Проверял меня и кажется, не поверил.. Меншиков приказал продолжать внедрение. Государь умирает. Счёт уже идёт на дни».

Он перечитал написанное и почему то подумал о Варваре

Виктор-Шумилов задул лампу и лёг в кровать. Он устал, но сон не шёл: перед глазами стояло лицо Голицына — умное, спокойное, с той особой печальной усмешкой, которая бывает у людей, знающих больше, чем говорят.

В голову пришла мысль: «Если я ошибусь, меня убьют. Не Меншиков — так Голицын. Не Голицын — так Долгорукие. Не Долгорукие — так случайность. Здесь, в этом времени, жизнь хрупка. Один неверный шаг, и она прервётся навсегда».

И всё же... всё же он чувствовал странное воодушевление. Он был внутри истории — не снаружи, не за архивным столом, а внутри. И пока он внутри, он может на неё влиять.

Глава 5. Затишье перед бурей

27 января 1725 года. Санкт-Петербург. За день до смерти императора.

Двадцать седьмое января началось не так, как предыдущие дни. Не было солнечных лучей, что пробиваются сквозь окна, не было мерного скрипа половиц под шагами слуг. Вместо этого утро пришло серым, тяжёлым, словно на город опустилась плотная, непроницаемая завеса облаков. Тишина в особняке Меншикова стояла такая глубокая, точно весь дом затаил дыхание.

Иван Шумилов проснулся от этой тишины. Он лежал в постели, глядя в потолок, и чувствовал нечто странное — не тревогу даже, а больше похоже на пустоту под ложечкой, то самое ощущение, которое бывает, когда долго ждёшь неизбежного и оно наконец подступает вплотную. Он сел, спустил ноги на холодный пол, плеснул в лицо ледяной воды из кувшина и выглянул в окно. За окном ничего не изменилось. Всё те же заснеженные крыши, тот же шпиль собора, тот же дым из труб. Но что-то неуловимо переменялось в самой атмосфере. Воздух стал плотнее, звуки — глуше, и даже воробьи, обычно копошившиеся в кормушке у кухни, куда-то исчезли.

Он одевался медленно, тщательно, словно готовился не к очередному дню, а к решающему сражению. Тёмно-синий камзол, который он надевал на малый приём, был аккуратно сложен на стуле. Шумилов встряхнул его, проверил, не осталось ли пятен, повязал свежий шейный платок. Застёгивая пуговицы, он мысленно повторял всё, что знал о сегодняшнем дне. По историческим источникам, 27 января Пётр ещё был жив, хотя и находился в крайне тяжёлом состоянии. Он исповедался в третий раз за время болезни несколько раз терял сознание. Во дворце собирались ближайšie сподвижники. Меншиков почти не покидал покоев императрицы. Именно в этот день, по некоторым историческим свидетельствам, Екатерина окончательно решила бороться за престол — или, вернее, её убедили в неизбежности этой борьбы.

В реальной истории всё это уже случилось три столетия назад. Но здесь оно только начиналось.

Он спустился в людскую, где обычно завтракали приближённые слуги и мелкие чиновники. Здесь было необычно многолюдно для столь раннего часа. Повар хлопотал у печи. Движения его были нервными, суетливыми. Дворецкий, пожилой немец по фамилии Шталь, расхаживал взад-вперёд, отдавая приказания. Несколько офицеров в зелёных мундирах, которых Виктор прежде не видел, сидели за дальним столом и негромко переговаривались. При появлении незнакомца они замолчали и оглядели его с тем особым цепким вниманием, какое военные проявляют к тем, кто не носит их мундира.

— Доброе утро, — произнёс Виктор, занимая свободное место. Ему подвинули краюху ржаного хлеба и кружку горячего взвара. Шумилов моментально принялся за еду, стараясь не выдать внутреннего напряжения.

— Князь уехал затемно, — негромко сообщил Шталь, наклоняясь к его уху. — Велел передать, что вернётся к полудню. Вас просили дожидаться.

— Хорошо. Что слышно из дворца?

Шталь пожал плечами, но в этом движении было больше знания, чем он хотел показать.

— Говорят, государю хуже. С ночи кровь пошла горлом. Лекарь Блюментрост не отходит от постели. Государыня никого не принимает.

Он помедлил и добавил совсем тихо:

— Говорят, государь исповедался перед архиепископом. Это плохой знак.

За дальним столом офицеры снова заговорили, и Виктор напряг слух, стараясь уловить обрывки фраз. Они обсуждали не столько здоровье государя, сколько возможные последствия его смерти. Полк, кажется, готовился к выступлению Один из офицеров упоминал, что гвар-

дия получила приказ быть в полной боевой готовности, другой сетовал на нехватку патронов, третий — на то, что преображенцев могут послать к Зимнему дворцу в любой час.

«Значит, уже началось, — подумал Виктор. — Сейчас невидимые нити натягиваются между дворцами и казармами, и скоро они зазвенят».

Доев хлеб и допив взвар, он поднялся в свою комнату и провёл следующие несколько часов за чтением бумаг. Точнее — делал вид, что читает. На самом деле он обдумывал ситуацию.

За прошедшие дни он многое узнал. Долгорукие подкупают солдат и готовят аресты. Голицыны разрабатывают конституционный проект и тоже связаны с недовольными в гвардии. Человек в капюшоне координирует действия заговорщиков. Щепотьев — сержант, говоривший о «порядке» и «России» — возможно, двойной агент. Козлов — вероятный враг. И на всём этом фоне — смертельно больной император, не оставивший наследника.

История, которую Виктор изучал по книгам, была готова повториться. Но теперь он был не зрителем. Теперь он мог вмешаться.

Вопрос был в том, как именно нужно вмешаться...

Он достал из потайного отделения шкафа дневник и записал несколько строк, которые пришли ему в голову:

«27 января. Утро. Государю хуже. Слухи о кровотечении. Меншиков при дворе. Я в доме, жду приказаний. Что я знаю: завтра Пётр умрёт. Послезавтра начнётся схватка. Меншиков победит в этой схватке, но через два года падёт. Как этого избежать? Как переиграть не только врагов, но и саму историю?»

Он перечитал написанное и подчеркнул последнюю фразу. Переиграть историю — вот в чём была его задача. Но для этого нужно не просто знать будущее. Нужно быть умнее, чем он был до сих пор.

К полудню в особняке наконец послышалось движение. За окнами, выходящими во двор, застучали копыта, заскрипели сани. Слуги забегали, поправляя ливреи. Иван Григорьевич выглянул в окно и увидел, как из саней грузно выбирается Меншиков — в тяжёлой бобровой шубе, с лицом, серым от усталости. Князь не оглянулся по сторонам, даже не бросил привычного резкого слова слугам, он просто прошёл в дом тяжёлой, размашистой походкой, и уже по одной этой походке было видно: он не спал если не всю ночь, то большую её часть.

Через несколько минут Волков постучал в дверь Виктора.

— Князь зовёт. Немедленно.

В кабинете Меншикова было полутемно. Шторы зачем-то задёрнуты, а в углу горели только две свечи. Сам светлейший стоял у окна, спиной к вошедшему, и, кажется, даже не обернулся, когда дверь отворилась.

— Дверь, — бросил он глухо.

Виктор притворил за собой створку и остался у порога, ожидая.

— Был у государя. — Меншиков повернулся, и Виктор увидел его лицо. Оно осунулось за одну ночь: под глазами залегли тени, щёки впали, а кожа приобрела тот сероватый оттенок, какой бывает у людей, не спавших несколько суток. Но глаза остались прежними — цепкими, живыми, волчьими. — Соборовали сегодня ночью. Архиепископ сам причащал. Кровь горлом шла — едва остановили. Государь в сознании, но слаб. Блюментрост говорит — отёк лёгких, может, до завтра не дотянет.

Он замалчал и прошёлся по комнате. Скрип половиц под каблуками был единственным звуком в тишине.

— Спрашивал я у государя о наследнике, — продолжил он глухо. — Молчит. То ли не в силах слова сказать, то ли не решил, то ли то ли решил, да не нам, червям, объявлять. На столе у него бумага лежала, чистая. Перо в чернильнице. А надписи нет. Так и лежит

Он остановился и упёрся взглядом в Виктора.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю, — ответил Виктор. — Если государь не назначит наследника, начнётся борьба между теми, кто претендует на престол. И победит тот, у кого больше силы.

— Именно. — Меншиков подошёл ближе, и Виктор физически ощутил исходившую от него тяжёлую, сдерживаемую энергию. — У Долгоруких уже готовы списки тех, кого арестовать в первую ночь после смерти. У Голицыных — их проклятые «кондиции», проект, который они хотят навязать Совету. У Толстого и Апраксина — свои расчёты. Первый за Екатерину, но ждёт у моря погоды, а второй колеблется и может уйти к той стороне, которая покажется ему сильнее. А у меня — только гвардия. Да ещё — ты.

Виктор молчал, ожидая продолжения.

— Ты зачем вчера был у Голицыных? — спросил Меншиков.

— Как вы приказали. Работал с библиотекой. Узнал, что князь Дмитрий готовит «кондиции» — проект ограничения самодержавия. Пять пунктов: объявление войны и мира, налоги, назначение высших чинов, престолонаследие и четвёртый пункт о дворянстве — всё это должно перейти в ведение Верховного Тайного Совета. Проект должен быть представлен завтра. Я же докладывал

Меншиков выслушал, не перебивая. Его пальцы снова выбивали дробь по эфесу шпаги.

— Это я знаю. Подзабыл за всей этой суетой Напомни, что ещё?

— Я там услышал разговор князя Дмитрия с человеком в чёрном плаще — тем, кто допрашивал меня в Преображенской слободе. Они обсуждали завтрашний день. Голицын сказал, что завтра, как только станет известно о смерти государя, он представит проект Совету. Что он заручился голосами. И что Меншиков будет занят смутой в полку.

— Смутой? — Меншиков усмехнулся. — Это они так называют своих подкупленных крикунов? Хорошо. Пусть думают, что я буду занят. Смотрю и день смерти уже определили. А я буду занят совсем другим

— Ещё, — продолжил Виктор, — ваш сержант Щепотьев. Он, оказывается, тоже причастен к заговору. Человек в капюшоне упомянул его имя и сказал, что он на Адмиралтейской стороне.

Меншиков нахмурился.

— Щепотьев? Значит, он всё-таки с ними. Жаль. Я думал его дальше использовать — Меншиков резко замолчал затем потёр свой подбородок. — Ладно, это меняет дело. Я велю Бутурлину проверить Щепотьева. А ты сегодня снова пойдёшь к Голицыным. У тебя есть предлог — ты у них архивариусом числишься. Иди, работай, смотри, слушай. Узнай, где завтра будет князь Дмитрий и его люди. Мне нужно знать их главные точки. Завтра может всё решиться

— А если не узнаю?

— Узнаешь. — Меншиков испытующе посмотрел на него. — Ты, Шумилов, за эти дни столько всего узнал, что я начинаю думать тебе либо везёт, как никому в свете, либо ты что-то знаешь заранее.

Виктор похолодел, но не отвёл взгляда.

— Мне везёт, — сказал он. — И ещё я умею слушать.

— Тогда слушай дальше. Но будь осторожен! Если Голицын тебя заподозрит — ты оттуда не выйдешь. По крайней мере, не выйдешь целым.

— Я понимаю Ваша Светлость.

— И ещё одно. — Меншиков чуть понизил голос. — Моя свояченица, Варвара Михайловна, просила тебя навестить сегодня вечером. Сразу после Голицыных. У неё есть для тебя что то есть...

При этих словах Виктор снова почувствовал то странное стеснение в груди, которое возникало когда речь заходила об Арсеньевой. Не страх. И не влюблённость. А скорее — предчувствие, что встреча с ней всегда оборачивается чем-то важным.

— Слушаюсь, — ответил он и вышел.

День клонился к вечеру, когда Виктор подъехал к дому Голицыных на набережной Мойки. Погода испортилась окончательно. С залива потянуло сыростью, небо затянуло сплошной пеленой, а на город начал опускаться густой, почти осязаемый туман. В нём звуки становились глуше, расстояния — обманчивее, а привычные очертания зданий — зыбкими, словно весь Петербург погружался в некое промежуточное состояние между явью и сном.

У крыльца Шумилова встретил всё тот же старый привратник, который провёл его в дом. Внутри пахло всё теми же книгами и воском, но теперь к этим запахам примешивалось что-то ещё — едва уловимый аромат лекарственных трав, доносившийся из дальних комнат. Кажется, в доме кто-то болел.

Матвей Иванович, секретарь князя, вышел навстречу с обычной своей вежливой, чуть настороженной улыбкой.

— Иван Григорьевич, рад вас видеть. Сегодня у нас небольшой переполох: князь уехал по делам, вернётся поздно. Но библиотека в вашем распоряжении. Работы много, вчера вы едва начали нижний ярус.

— Я как раз на это и рассчитывал, — ответил Виктор, стараясь, чтобы голос звучал буднично. — Хочу разобрать хотя бы часть латинских авторов.

— Прекрасно. Я провожу.

Они поднялись по лестнице. В коридорах пустынно, только в дальнем конце галереи промелькнула чья-то тень — кажется, того самого немецкого законника Беккера, который сновал по дому с озабоченным видом. Виктор проводил его взглядом и отметил про себя: немец здесь, значит, работа над «кондициями» продолжается.

В библиотеке было тихо. Высокие окна уже потемнели, и Матвей Иванович собственноручно зажёл несколько свечей. Виктор уселся за стол, разложил бумаги, раскрыл каталог и принялся за работу — но мысли его были далеко от книг.

Где князь Дмитрий? Куда он поехал? С кем встречается? Если узнать это сейчас — можно будет доложить Меншикову точные сведения. Но как узнать? Дом почти пуст, а те, кто здесь, явно не настроены откровенничать с чужим архивариусом.

Прошло около часа в бесплодных размышлениях, когда в коридоре послышались шаги — тяжёлые, уверенные, не Матвей Иванович. Виктор поднял голову и прислушался. Шаги приближались, и вскоре дверь библиотеки отворилась. На пороге стоял человек в чёрном плаще.

Тот самый.

Человек в капюшоне, допрашивавший его в Преображенской слободе.

Сердце Виктора пропустило удар, но он заставил себя сохранять спокойствие. В конце концов, здесь он не арестованный, а архивариус, присланный из Москвы. Враги не должны знать, что он их узнал.

— Добрый вечер, — произнёс человек в капюшоне, и его глухой голос показался Виктору ещё более зловещим в тишине библиотеки. — Не помешал?

— Ничуть, — ответил Виктор, откладывая перо. — Я работаю с каталогом.

— Да, Матвей Иванович предупредил. — Капюшон подошёл ближе, и Виктор впервые смог разглядеть его лицо. Оно было бледным, с тонкими чертами, с высоким лбом и глубоко посаженными глазами — лицо человека умственного труда, а не солдата или царедворца. И всё же в этом лице таилось что-то угрожающее. — Архивариус из Москвы. Редкий гость в наше время, когда всем заправляют солдаты да царедворцы — произнёс он.

— Книги нужны при любом правлении, — возразил Виктор и пожал плечами.

— Правлении? Разве сейчас есть правление? — Капюшон усмехнулся одними губами. — Сейчас есть власть, а это разные вещи. Но вы правы, книги действительно нужны при любой власти. Особенно те, что содержат законы.

Он прошёлся вдоль стеллажей, небрежно касаясь корешков пальцами. Виктор следил за ним краем глаза, не поворачивая головы.

— Вы интересуетесь законами? — спросил незнакомец, словно между прочим.

— Я архивариус, — ответил Виктор. — Я интересуюсь всем понемногу.

— Скромный ответ. Но я заметил, что вы работали в той части библиотеки, где князь Дмитрий Михайлович хранит труды по государственному праву. Случайность?

— Случайность. Я разбираю книги подряд.

— Вот как. — Капюшон остановился напротив Виктора и вперился в него взглядом. — А что вы думаете о государственном праве? Как по-вашему, государь должен быть ограничен законом или его воля превыше всего?

Виктор мгновенно понял — это проверка. Сейчас его прощупывают на предмет лояльности — или на предмет того, что он мог услышать в этом доме.

— Я простой чиновник, — ответил он, стараясь говорить ровно и без выражения. — Моё дело — бумаги. Что касается государей, я полагаю, что каждому времени — свои законы.

— Уклончиво — Капюшон криво усмехнулся. — Но не глупо. Ладно, господин Шумилов, не буду вам мешать. Работайте. — Он развернулся и направился к двери, но на пороге помедлил. — Кстати, вы не знаете, где сейчас князь Дмитрий Михайлович? У меня к нему срочное дело.

— Право, не ведаю, — ответил Виктор, молясь про себя, чтобы голос звучал естественно. — Утром он уехал, мне не докладывали куда.

— Жаль. Что ж, если увидите его раньше меня — передайте, что я жду его в своём кабинете до полуночи.

— Передам.

Капюшон кивнул и вышел. Виктор перевёл дыхание, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Этот человек был опасен. И он явно что-то подозревал.

Но Виктор получил от разговора больше, чем потерял. Во-первых, он убедился, что человек в капюшоне — действительно один из ключевых фигур заговора Голицына. Во-вторых, он узнал, что у него есть кабинет в доме князя, а сам он будет ждать князя до полуночи. Значит, его можно найти. В-третьих, он понял, что князь Дмитрий ещё не вернулся и вернётся поздно — стало быть, встречается с кем-то важным. Возможно, с кем-то из сановников, чья поддержка нужна заговору.

Нужно было выбираться отсюда.

Он подозвал Матвея Ивановича, сослался на усталость и головную боль (архивариусы, как известно, народ слабый) и отбыл. Уже в санях, на пути к дому Арсеньевых, он записал в памяти: «Человек в капюшоне — у Голицына в доме. Ждёт князя до полуночи. Имя неизвестно, лицо видел. Голицын где-то встречается с союзниками. Завтра — решительный день».

Дом Арсеньевых на Мойке тонул в тумане. Старый двухэтажный особняк с потемневшей от сырости штукатуркой и высокими, узкими окнами глядел на улицу сквозь этот туман. Варвара Михайловна приняла его в малой гостиной, где уже вовсю трещал камин и стоял накрытый столик с чашками, чайником и лёгкими закусками — тонко нарезанной солониной, сыром, пшеничным хлебом. Сама хозяйка сидела у камина с книгой в руке, и Виктор, войдя, на мгновение замер, поражённый картиной. Огонь освещал её лицо снизу, делая черты мягче, но и загадочнее.

— Пунктуальны, — произнесла она, откладывая книгу. — Садитесь, Иван Григорьевич.

Виктор сел в кресло напротив, чувствуя, как тепло от камина постепенно согревает лицо и руки. После холода и напряжения сегодняшнего дня это было почти блаженством.

— Вы выглядите усталым, — заметила Варвара, протягивая ему чашку. — И встревоженным.

— День был долгим а вечер ещё дольше...

— Как у всех нас. — Она помолчала, размешивая мёд в своей чашке. — Я слышала о государе. Мне жаль.

— Жаль? — переспросил Виктор, не скрывая лёгкого удивления. — Вы говорите об этом так, будто речь не об императоре, а о родственнике.

— А вы полагаете, придворные не могут испытывать человеческих чувств? — Варвара чуть приподняла бровь. — Я выросла при дворе. Я видела Петра Алексеевича и в гневе, и в милости, и в болезни. Он был жесток, порой беспощаден, но он был велик. Таких людей мало, и их уход — всегда потеря.

— Он ещё жив.

— Но уже ничем не управляет. И все это знают. Именно поэтому сейчас и плетутся все эти интриги. — Она поставила чашку на стол. — Светлейший просил передать вам кое-что. Держите.

Она протянула ему небольшой, запечатанный сургучом конверт. Печать была меншиковская: двуглавый орёл и подпись «А.М.» Виктор вскрыл конверт и развернул короткую записку:

«Бутурлин с нами окончательно. Апраксин колеблется, но, судя по всему, тоже будет с нами. Остерман выжидает. Толстой — за Екатерину. Главная угроза — Долгорукие. Завтра быть готовым в любой час. Жди приказа».

Подписи не было — только знакомый почерк Волкова. Он писал записку за князя.

— Вы читали? — спросил Виктор, поднимая взгляд.

— Нет. Князь доверяет мне только то, что я должна знать. А это — не для моих глаз. Я только посредник и фрейлина при дворе.

Виктор кивнул, пряча записку за пазуху. Он заметил, что в словах Варвары сквозила некая горечь — может быть, от того, что ей не доверяют полностью даже в собственном кругу. Или от того, что она, умная и способная женщина, вынуждена оставаться на вторых ролях.

— Вы говорили вчера, что хотели бы меня разгадать, — произнёс он осторожно. — Продвинулись в этом?

Она тихо рассмеялась.

— Вы переходите в наступление? Хорошо. Я скажу вам то, что думаю. — Она немного помолчала, и её серые глаза встретились с его взглядом. — Вы не тот, за кого себя выдаёте. Это очевидно. Вы говорите как человек, привыкший к науке, а не к канцелярским бумагам. Вы знаете вещи, которых простой подканцелярист знать не может. И вы появились из неоткуда — точнее, из монастырской кельи, откуда обычные люди не возвращаются с такими ясными глазами и таким острым умом. Я не знаю, кто вы на самом деле. Но я знаю, что вы не предатель.

Виктор молчал, и она продолжила:

— Князь Александр Данилович доверяет вам — а он не доверяет никому. Уже одно это говорит в вашу пользу. Даже не знаю чем вызвано такое доверие. Но я бы хотела, Иван Григорьевич, однажды услышать от вас правду. Не для того, чтобы рассказать её другим, а для того, чтобы понять.

В камине треснуло полено, выбросив сноп искр.

— Когда-нибудь, — тихо произнёс Виктор, — я расскажу вам всё. Но не сейчас. Сейчас я могу сказать одно: я здесь не для того, чтобы вредить. Я здесь для того, чтобы помочь. Не Меншикову даже. Помочь этому времени. Помочь России не погрузиться в хаос.

Варвара долго смотрела на него, не произнося ни слова. Потом чуть заметно кивнула — не в знак согласия, а в знак того, что она принимает этот ответ.

— Я помогу вам, — сказала она наконец. — Ради России. И ради князя. Потому что завтра, когда всё решится, у него может не остаться никого, кто скажет ему правду. А вы, кажется, умеете говорить правду. Или что-то очень на неё похожее.

Она поднялась и подошла к небольшому секретеру, стоявшему в углу. Выдвинула ящик и извлекла оттуда листок бумаги, сложенный вдвое.

— Это список людей, которым князь может доверять завтра, — сказала она, протягивая листок Виктору. — Он составлен мною, не Волковым и не князем. Здесь те, кто точно будет на нашей стороне. Посмотрите.

Виктор развернул листок и пробежал его глазами. Почерк Варвары был мелким, но удивительно чётким — так пишут люди, привыкшие к аккуратной работе. Список включал около двадцати фамилий — офицеров, чиновников, нескольких иностранных резидентов. Рядом с фамилиями стояли пометки: «верен», «сомневается, но склонится», «полезен для связи с гвардией».

— Вы рискуете, передавая мне это — заметил он.

— Я рискую с того дня, как стала свояченицей Меншикова, — спокойно ответила Варвара. — Здесь, при дворе, риск — это воздух. Без него невозможно дышать.

Шумилов сложил листок и спрятал его.

— Завтра, — произнёс он, — постарайтесь быть при императрице. Если начнётся смута, у Зимнего может быть опасно.

— А вы где будете?

— Там, где прикажет светлейший. Вероятно, при гвардии.

— Будьте осторожны. — Она впервые за весь вечер дотронулась до его руки, легко, едва ощутимо, но этого касания было достаточно, чтобы внутри у Виктора что-то сжалось.

— Постараюсь, — ответил он.

И вышел в туманную ночь

Когда Шумилов добрался до особняка на Васильевском, было уже далеко за полночь. Слуги почти все разошлись, только старый Шталь дремал в приёмной, и Волков, как всегда, бодрствовал. Секретарь встретил Виктора у дверей кабинета.

— Ну, что нового?

— Голицын где-то встречался с союзниками. Человек в капюшоне ждёт его до полуночи в доме. Наверное очень важный разговор Я узнал достаточно, чтобы считать, что завтра они попытаются провести «кондиции» сразу после смерти государя если такое произойдёт... Они готовы действовать и настроены действовать. У них есть свой человек в Преображенском полку. И ещё один в самом дворце.

Волков выслушал, не перебивая, и его худое лицо осталось бесстрастным.

— Это всё?

— Варвара Михайловна передала мне список надёжных людей. Я передаю его вам.

Он протянул записку, но Волков покачал головой.

— Нет. Это она вам дала. Оставьте при себе. Завтра, возможно, только вы и сможете этим воспользоваться.

— Что вы имеете в виду?

Волков помолчал, потом негромко произнёс:

— Я имею в виду, Шумилов, что государь умирает. Остались часы И завтра всё изменится. Идите к себе. Поспите, если сможете. Завтра с утра князь ждёт вас в кабинете.

Шумилов кивнул и поднялся к себе в комнату. Однако спать он не лёг. Достал дневник и, при свече, дрожащей от сквозняка, записал:

«27 января, ночь. Сегодня я стоял рядом с Варварой. Я получил список верных людей. Я узнал, что завтра заговорщики скорее всего попытаются предъявить кондиции. Я знаю, что

Пётр умрёт завтра. Я не знаю только одного: смогу ли я изменить то, что уже написано в книгах истории. Но я попытаюсь».

Он перечитал запись, задул свечу и лёг на кровать, глядя в тёмный потолок.

История, которую он знал, подходила к концу. Новая история ещё не началась.

И завтра он должен был написать её первую строку.

Глава 6. День

28 января 1725 года. Санкт-Петербург. День смерти императора.

Пробуждение было мгновенным. Оно не стало той вязкой, мутной полудрёмой, из которой выныриваешь медленно, словно из глубины, а резкий, почти насильственный толчок в сознание. Виктор открыл глаза и увидел прежний низкий потолок своей комнаты в западном крыле особняка Меншикова. За окном было ещё темно — та глухая, предрассветная тьма, что сгущается особенно плотно перед самым рассветом. Свеча, которую он забыл задуть, давно оплыла, оставив на медном блюде лужицу застывшего воска.

В дверь стучали. Негромко, но настойчиво — три удара, пауза, ещё два. Так стучат люди, которым не нужно представляться.

— Встаю, — хрипло отозвался.

Он одевался в полной темноте, на ощупь застёгивая пуговицы и поправляя шейный платок. Пальцы двигались машинально, но мысли неслись галопом. Сегодня. Всё случится именно сегодня. Сомнений нет Пётр умирает. Виктор помнил дату из учебников — 28 января 1725 года, — но помнить дату и проживать её изнутри оказалось разными вещами. Тогда, в прошлой жизни, это была строка в хронологической таблице. Теперь это был день, в который ему предстояло либо выжить, либо исчезнуть — причём исчезнуть так основательно, что от него не останется даже записи в архивной ведомости.

За дверью ждал Волков. Секретарь светлейшего выглядел так, словно не спал вовсе: лицо бледное, глаза красноватые, парик сбит набок — но голос оставался твёрдым и даже будничным.

— Князь ждёт. Время не ждёт.

— Что с государем?

— Пока жив. Но, говорят, часы сочтены. Архиепископ при нём. Соборование было ещё ночью, теперь читают отходную.

Они спустились в кабинет. Особняк Меншикова, обычно полный слуг и офицеров, сейчас казался вымершим — только в людской мерцал огонёк, да у входа переминались с ноги на ногу два гвардейца в полной форме. Тишина стояла такая, что каждый шаг отдавался под сводами гулким эхом.

Меншиков был уже на ногах. Он стоял у стола, над которым разложил большую карту Петербурга — не ту, что висела на стене, а подробную, военную, с пометками карандашом. Рядом лежали списки полков, записки, несколько запечатанных пакетов. Сам светлейший был одет не в домашний камзол, а в полный генеральский мундир с орденской лентой через плечо. Шпага висела на боку — та самая, боевая, с потёртой рукоятью.

— Подойди, — бросил он Виктору, не оборачиваясь. — Смотри.

Виктор приблизился. Карта испещрена пометками. Кругами обведены Преображенская и Семёновская слободы, Зимний дворец, дом Голицыных, дворец Долгоруких у Адмиралтейства, казармы, караульные посты.

— Здесь, — Меншиков ткнул пальцем в кружок у Зимнего, — дворец. Сейчас там государыня, Бутурлин с преображенцами. Здесь, — палец переместился к Адмиралтейской стороне, — Долгорукие. У них свои люди в полку, но пока они не выступают. Здесь, — новый тычок в дом Голицыных, — наш учёный друг. Он не выступит с оружием, но бумагой может ударить так, что никакая шпага не спасёт.

— Что я должен делать?

— Едешь в Преображенскую слободу. Найдёшь сержанта Щепотьева. — Меншиков наконец поднял глаза и впёрся взглядом в Шумилова. — Того самого, что говорил тебе о «порядке» Ты говорил, он, возможно, колеблется. Вот и проверим. Передашь ему вот это.

Он протянул Виктору запечатанный пакет.

— Здесь приказ. В нём я назначаю его старшим над караулом у Зимнего дворца на сегодняшний день. Если он согласится — значит, он наш. Если откажется — ты поймёшь, что он не с ними. Тогда немедленно возвращайся и доложи.

— А если он согласится, но обманет?

— Тогда ты увидишь это по его глазам. — Меншиков усмехнулся, но усмешка вышла невесёлой. — У тебя зоркие глаза, Шумилов. Ты уже доказал это. Полагаюсь на них. И ещё После слободы немедленно ко мне, во дворец. Понадобись там.

— Слушаюсь!

— И вот что. — Меншиков вынул из ящика стола небольшой пистолет — короткоствольный, с потемневшей от времени рукоятью и серебряной насечкой на замке. — Возьми. В слободе сегодня может быть жарко.

Виктор принял оружие. Пистолет оказался тяжелее, чем он ожидал. Холод металла обжёг ладонь. Он проверил полку — заряжен. Сунул его за пояс, прикрыв полый камзола.

— Иди, — сказал Меншиков. — И помни: сегодня всё решится.

Петербург на рассвете 28 января был тих и мрачен. Низкое небо нависало над крышами тяжёлой серой пеленой, а морозный туман полз по набережным, окутывая дома и заборы. В воздухе стояла та особенная, звенящая тишина, какая бывает перед большими событиями. Даже собаки не лаяли. Весь город, казалось, замер, ожидая чего-то страшного и неизбежного.

Сани неслись по пустым улицам, разрезая полозьями свежий снег. Возница, угрюмый мужик в рваном тулупе, нахлёстывал лошадь, но не оборачивался — то ли боялся седока, то ли просто привык не задавать лишних вопросов. Виктор сидел, запахнув плащ, и мысленно повторял то, что ему предстояло сделать.

Щепотьев. Сержант первой роты. Человек со шрамом через всё лицо. Тот, кто говорил о «порядке» и «России» и обещал, что не все в полку против Меншикова. Но Голицын и человек в капюшоне упоминали его как своего. Кому верить?

Слобода встретила привычными запахами — дыма, навоза, сырой кожи. Но сегодня здесь было необычно тихо. Улицы, раньше полные солдат, спешивших по делам или просто слонявшихся без дела, оказались пусты. Только у полковых бань сидели несколько старых инвалидов — безногих и безруких ветеранов, которых оставили при части из милости. Они грелись у жаровни и не обратили на проезжего никакого внимания.

Виктор нашёл Щепотьева у караульного помещения. Того самого приземистого каменного здания, куда его приводили несколько дней назад. Сержант стоял у дверей и смотрел куда-то вдаль, за пелену тумана. При виде Виктора он не удивился — словно ждал.

— Шумилов — протянул он вместо приветствия. — С чем пожаловал?

— Пакет от светлейшего князя Меншикова, — ответил Виктор, протягивая бумагу.

Щепотьев взял пакет, сломал печать, развернул лист. Читал он медленно, шевеля губами — видно было, что грамота даётся ему с трудом, но он старается. Потом поднял глаза, и Виктор увидел в них странное выражение: не радость, не испуг, а скорее глубокую, почти мрачную задумчивость.

— Старшим над караулом у Зимнего, — проговорил он глухо. — Ответственное назначение. Особенно сегодня

— Князь доверяет тебе, — сказал Виктор.

— Доверяет? — Щепотьев усмехнулся, и шрам на его щеке побелел. — Или снова проверят?

— И то и другое. Но разве это меняет дело? Ты сам говорил, что хочешь, чтобы Россия не погрузилась в хаос. Вот шанс это доказать.

Сержант помолчал, глядя Виктору прямо в глаза. Взгляд у него был тяжёлым, испытующим — такой взгляд бывает у людей, которые привыкли сами принимать решения и сами за них отвечать.

— Ладно, — произнёс он наконец. — Я приму назначение. Но помни, Шумилов, я служу не Меншикову. Я служу России. И если светлейший сделает что-то, что ей повредит, — я пойду против него так же, как сейчас иду против тех, кто хочет смуты.

— Я запомню, — ответил Виктор.

— Тогда иди. К десяти утра я буду у Зимнего с караулом. И да — Щепотьев вдруг понизил голос и шагнул ближе. — Передай князю: в полку сегодня ночью были люди от Долгоруких. Раздавали деньги. Многие взяли. Но не все. Есть и такие, кто не взял. Я не взял.

Виктор молча кивнул и, повернувшись, зашагал к саням. За спиной у него сержант так и остался стоять — коренастый, неподвижный, словно каменное изваяние посреди чужого, враждебного города.

Зимний дворец, когда Виктор добрался до него около восьми утра, был окружён гвардией. Преображенцы в зелёных мундирах выстроились вдоль набережной двумя шеренгами; их лица были суровы и сосредоточены. У ворот поставили пушки — две полевые, лёгкие, но достаточно грозные, чтобы остудить любой пыл. Офицеры переговаривались вполголоса, курили трубки, поглядывали на окна второго этажа, за которыми угадывалось какое-то движение.

Виктора пропустили беспрепятственно, видимо его имя уже значилось в списках. Внутри дворца было немногим теплее, чем снаружи, но суше: голландские печи работали исправно. В коридорах толпились придворные. Кто-то из них был в парадном, а кто-то в наспех накинутом камзоле. Лица у всех напряжённые, голоса приглушены. Смерть ещё не наступила, но её приближение ощущалось физически — в том, как тихо говорили люди, как быстро отводили глаза, как крестились перед образами.

В приёмной перед покоями императора Виктор увидел Меншикова. Князь стоял у окна и разговаривал с Бутурлиным. Оба говорили негромко, но по их позам, по напряжённым плечам и сжатым кулакам было видно, что разговор идёт о самом важном.

— Шумилов, — позвал Меншиков, заметив его. — Иди сюда. Докладывай.

Виктор вкратце передал разговор со Щепотьевым, упомянул о деньгах, розданных людьми Долгоруких в полку, и о том, что сержант согласился принять назначение, но оговорил свою верность России, а не лично князю.

Меншиков выслушал молча, потом переглянулся с Бутурлиным.

— Щепотьев — твёрдый служака, — заметил генерал. — Я его знаю. Если он сказал, что не взял денег, — значит, не взял. И если он будет у Зимнего с караулом, я за дворец спокоен.

— Но люди Долгоруких уже здесь, — возразил Меншиков. — Если они успели подкупить часть полка, то при штурме у нас могут быть проблемы

— Штурма не будет, — негромко произнёс новый голос.

К ним подходил Остерман. Вице-канцлер был в тёмно-коричневом камзоле без орденов, но с неизменным париком, букли которого сегодня казались особенно длинными. Он двигался мягко, почти неслышно, и лицо его хранило то же непроницаемое выражение, что и всегда.

— Долгорукие не пойдут на штурм, — продолжил он, останавливаясь рядом. — Они не солдаты. Они политики. Они попытаются взять власть не пушками, а голосами. Сегодня утром князь Алексей Григорьевич Долгорукий попросил срочной аудиенции у императрицы. Я полагаю, он будет настаивать на созыве Совета немедленно после — он запнулся, подбирая слово, — после того, что должно случиться.

— И они попробуют провозгласить Петра Алексеевича, — закончил Бутурлин.

— Хуже, — сказал Меншиков. — Они попробуют провозгласить Голицынские «кондиции» и ограничить власть монарха прежде, чем мы успеем что-то предпринять.

Виктор стоял рядом и слушал. Всё сходилось: «кондиции» Голицына, заговор в полку, сбор Совета, позиция Долгоруких — всё это был единый план, рассчитанный на то, чтобы лишить Меншикова власти не силой, а законом. И если этот план удастся, то не будет ни ссылки светлейшего, ни его падения — будет просто новая форма правления, в которой не останется места ни для него, ни для Екатерины.

— Что мы можем противопоставить? — спросил Бутурлин.

— Гвардию, — ответил Меншиков. — И быстроту. Мы должны предвосхитить их ход. Как только государь скончается, мы немедленно соберём Совет — но сами, а не по их приглашению. И первым вопросом поставим не престолонаследие, а присягу. Присягу Екатерине Алексеевне.

— А если они не согласятся?

— Тогда я объявлю их мятежниками! У меня есть списки

— И у них есть списки, — заметил Остерман. — Они обвинят вас в хищениях. У них есть документы

— Документы поддельные, их можно оспорить Гвардию — нет. — Меншиков с гордым видом властно положил руку на эфес шпаги. — Сегодня решает сила. Завтра будет решать закон. Но сначала — сила.

Он повернулся к Виктору.

— Остаёшься при мне. Понадобись для связи с внешними людьми. И вот что Когда поедешь к Голицыным — если поедешь — будь готов ко всему.

— Я готов!

В этот момент дверь в опочивальню государя приоткрылась, и оттуда вышел лейб-медик Блюментрост. Его лицо, обычно бесстрастное, сейчас было серым, как петербургское небо за окном. Он оглядел собравшихся, остановил взгляд на Меншикове и покачал головой — коротко, почти незаметно.

— Сколько? — спросил Меншиков.

— Часы. Может быть, минуты. Сознания уже нет. Государыня при нём. Архиепископ читает молитвы.

В комнате повисла тишина. Такая глубокая, что было слышно, как потрескивает свеча в канделябре и как за окном, далеко-далеко, перекликаются гвардейцы.

— Что ж, — тихо произнёс Меншиков. — Подождём

Дальнейшие часы Виктор запомнил на всю жизнь — хотя впоследствии, перебирая в памяти детали, он не мог бы сказать, сколько именно прошло времени и в каком порядке следовали события. Время в то утро словно сломалось. Казалось, оно то несло галопом, то замирало, как маятник остановившихся часов.

Он сидел в приёмной на деревянной скамье и ждал. Рядом сидели другие — офицеры, секретари, придворные, — и все молчали. Время от времени кто-то вставал, выходил во двор покурить или просто проветриться, но быстро возвращался. Все ждали одного и того же — и боялись этого ждать.

Около полудня в приёмную вошёл человек в чёрном. Виктор поднял голову и узнал того самого — в капюшоне, но теперь капюшон был откинут, и лицо его было открыто. Это был пожилой мужчина с бледным, аскетичным лицом, высоким лбом и холодными светлыми глазами. Одет он был в скромное, почти монашеское платье, но под плащом угадывалась шпага.

— Кто это? — шёпотом спросил Виктор у Волкова, оказавшегося рядом.

— Это Франц Яковлевич Лефорт-младший, — так же шёпотом ответил Волков. — Племянник покойного адмирала. Служит при Голицыне. Опасный человек.

Виктор запомнил имя. Франц Лефорт-младший. Человек в капюшоне обрёл личность, и теперь его следовало опасаться вдвойне.

Лефорт прошёл через приёмную, даже не взглянув на Виктора, и скрылся в одной из боковых дверей, ведущих в покои императрицы. Через несколько минут оттуда же вышел Меншиков — и лицо его было мрачнее тучи.

— Они уже здесь, — бросил он Виктору, проходя мимо. — И они требуют Совета. Немедленно после кончины. Я дал согласие. Игра началась.

— Что мне делать?

— Езжай к Голицыным. Узнай, там ли князь Дмитрий и что он намерен делать. Если его нет дома — значит, он уже во дворце. Тогда возвращайся немедленно. Если дома — узнай, не собирается ли выезжать. И главное Выясни где сейчас их главный козырь — эти проклятые «кондиции». Если сможешь найти их

— То что?

— То ничего, — жёстко сказал Меншиков. — Ты не будешь их красть. Но ты узнаешь, где они. Это уже много.

Дом Голицыных встретил Виктора тишиной. Привратник сказал, что князь Дмитрий Михайлович дома, но никого не принимает. Однако, узнав, что явился архивариус, смягчился. Матвей Иванович велел пропускать «московского книжника» в любое время.

Виктор поднялся в библиотеку. Здесь всё было по-прежнему: шкафы, книги, запах старой кожи. Матвей Иванович сидел за столом и что-то переписывал из толстого фолианта. Увидев гостя, он поднялся.

— Иван Григорьевич! Сегодня-то я вас не ждал. В такой день

— Князь дома?

— Дома. Но очень занят. У него сейчас господин Лефорт.

Виктор насторожился. Значит, Лефорт уже здесь? Странно: он только что был во дворце. Должно быть, вышел через другой ход и нагнал время на перекладных.

— Я подожду, — сказал он. — У меня срочное дело по каталогу. Нельзя откладывать.

— Как угодно. Я пришлю вам чаю.

Оставшись один, Виктор не стал разбирать книги. Вместо этого он бесшумно подошёл к двери в дальнем конце библиотеки — той самой, за которой несколько дней назад подслушал разговор Голицына с Лефортом. Сегодня она была приоткрыта. Виктор скользнул в щель и оказался в узком коридоре, который вёл к жилым покоям князя.

Сердце колотилось. Если его застанут здесь, объяснений не будет: архивариусу нечего делать в личных покоях хозяина. Но он должен был узнать

Коридор упирался в массивную дубовую дверь. Она закрыта, но из-под неё пробивался свет. Виктор приложил ухо к замочной скважине.

Говорили двое — Голицын и Лефорт. Голос Голицына звучал устало, но твёрдо. Голос Лефорта — холодно и чётко, словно он диктовал приказ.

— как только станет известно о смерти, немедленно собираем всех, кого сумели привлечь, — произносил Голицын. — Я представлю Совету «кондиции». Если Совет поддержит — Меншиков окажется связан. Он не сможет действовать без нашего одобрения.

— А если он не подчинится? — спросил Лефорт. — Вы же знаете его! Он скорее ударит шпагой, чем подпишет бумагу, которая лишает его власти

— Тогда мы применим иной план. Вы помните.

— Помню. Люди готовы. В полку есть те, кто выступит. Но я ещё раз повторю: убийство — крайняя мера. Я не убийца.

— Мы все не убийцы, — сухо ответил Голицын. — Мы люди закона. Но иногда закон требует жертв.

Повисла пауза. Потом Голицын продолжил:

— Где «кондиции»?

— У меня, — ответил Лефорт. — Здесь, в портфеле. Я не доверяю их никому.

— Когда настанет час, я скажу, куда их доставить. А пока — молчите и ждите.

Виктор отступил от двери. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно через весь коридор. «Кондиции» у Лефорта. В портфеле. Если бы можно было их уничтожить или хотя бы скопировать Но Меншиков запретил их трогать. Возможно, он прав. кража документов могла бы всполошить врагов раньше времени. Но знать, где они, — это действительно важно.

Он вернулся в библиотеку так же бесшумно, как и вышел. Матвей Иванович уже нёс чай. Виктор поблагодарил его, сделал несколько пометок в каталоге — для вида, — а затем, сославшись на плохое самочувствие, откланялся.

Через час он был у Зимнего.

Шестой час вечера. Сумерки сгущались над Петербургом, но во дворце никто не зажигал свечей — словно все боялись потревожить умирающего излишним светом. Только в приёмной горела одна-единственная масляная лампа, отбрасывая на стены дрожащие тени.

Виктор, вернувшись, нашёл Меншикова всё на том же месте, у окна. Князь выглядел измотанным до предела, но глаза его по-прежнему горели той холодной, неукротимой энергией, которая составляла главную силу этого человека. Рядом с ним стояли Бутурлин, Остерман, Апраксин и ещё несколько офицеров.

— Докладывай, — велел Меншиков.

Виктор доложил: Голицын дома, Лефорт при нём, «кондиции» в портфеле у Лефорта, готовы к представлению Совету. План: как только станет известно о смерти государя, немедленно созвать Совет и навязать «кондиции». Если Меншиков не подчинится — запасной план, вероятно, силовой.

Меншиков выслушал молча. Его пальцы выбивали дробь по эфесу.

— Значит, «кондиции» у Лефорта, — проговорил он. — Это интересно. У меня к Лефорту старые счёты. Ещё со времён его дяди.

— Можно ли перехватить документы? — спросил Бутурлин.

— Нет. Пока нет. Это вызовет тревогу, а тревога сейчас нам не нужна. Но когда Совет начнётся — Меншиков не договорил.

В этот момент из опочивальни выбежал слуга. Лицо его было блее простыни.

— Государыня зовёт, — выдохнул он. — Скорее.

Меншиков, Бутурлин и несколько офицеров бросились в опочивальню. Шумилов, не имея права войти, остался у дверей вместе с Волковым. Прошло несколько минут. Потом ещё несколько. Изнутри доносились приглушённые голоса, потом женский плач — высокий, прерывистый, полный такой муки, что у Виктора сжалось сердце.

Дверь отворилась. Вышел Меншиков — бледный, с остановившимся взглядом. Он остановился в центре приёмной, обвёл всех собравшихся долгим, тяжёлым взглядом и произнёс глухо, но так, что слышали все:

— Государь Пётр Алексеевич преставился.

Тишина упала на зал, как топор на плаху. Несколько человек перекрестились. Офицеры вытянулись. Где-то в углу заплакала женщина.

Меншиков постоял ещё мгновение и добавил:

— Объявляю о созыве Совета. Немедленно.

И началась та ночь, которая в другой истории определила судьбу империи.

Совет собрался в малом тронном зале Зимнего дворца через час после кончины государя. Собрались все, кто имел вес и влияние: Меншиков, Бутурлин, Апраксин, Остерман, Толстой

— с одной стороны. Долгорукие (князь Алексей Григорьевич и его сын), Голицын, Лефорт — с другой. Присутствовали также несколько сенаторов, генералов и высших чинов.

Виктор стоял в тени, у колонны. Он не имел права голоса, но имел право смотреть и слушать — и запоминал каждое слово, каждый жест, каждый взгляд.

Императрица Екатерина сидела на возвышении, в кресле с высокой спинкой, но без венца. Лицо её было заплаканным, но спокойным — спокойствием женщины, которая уже всё для себя решила. Рядом с нею стояли две фрейлины. Среди них Виктор заметил Варвару Арсеньеву. Она стояла прямо, неподвижно, и только глаза её, скользнув по лицу Виктора, вспыхнули на мгновение — и погасли.

— Господа члены Совета, — начал Меншиков, выходя в центр зала. — Государь Пётр Алексеевич отошёл к Господу, не оставив завещания. Империя осталась без монарха. Мы должны немедленно решить вопрос о престолонаследии. Промедление грозит хаосом.

— Именно поэтому, — вставил князь Алексей Долгорукий, выходя вперёд, — мы должны обратиться к закону. А закон гласит, что прямым наследником государя является его внук, Пётр Алексеевич.

— Закон, — возразил Меншиков, — был установлен самим государем, который отрешил от наследства своего сына Алексея Петровича за измену. А с ним — и его потомство. Государь оставил за собой право назначать наследника по своей воле. И его волей долгие годы была Екатерина Алексеевна, коронованная им в прошлом году как императрица.

— Коронация не означает престолонаследия, — вступил в спор Голицын. Его голос звучал спокойно, почти академично. — Государь не издал указа о том, что коронация делает Екатерину Алексеевну наследницей. Закон о престолонаследии, изданный пять лет назад, не содержит такого положения.

— А закон не запрещает императору короновать свою супругу и тем самым указать на неё как на преемницу, — парировал Остерман.

Виктор слушал, затаив дыхание. Спор, который он знал по историческим книгам, оживал перед его глазами. Каждая реплика была именно той, что зафиксировали документы, — и в то же время она звучала по-новому, потому что сейчас от неё зависела реальная судьба живых людей.

— Мы можем спорить бесконечно, — вмешался Бутурлин. — Но есть факт: гвардия и армия присягают Екатерине Алексеевне. Я, как командир Преображенского полка, подтверждаю это.

— А я, как представитель старейших родов, — резко ответил Иван Долгорукий, — заявляю, что признавать Екатерину безоговорочно мы не можем. Она — иностранка. Она — низкого происхождения. Она не имеет права на престол, кроме как по воле покойного, а воля эта не высказана.

— Осторожнее, князь Иван, — тихо, но с угрозой произнёс Меншиков. — Вы говорите о вдовствующей императрице.

— Я говорю о законе. И вот что я предлагаю. — Иван Долгорукий вынул из-за пазухи сложенный лист и развернул его. — Здесь — проект решения Совета. Пётр Алексеевич провозглашается императором. Екатерина Алексеевна остаётся при нём регентшей до его совершеннолетия. Власть монарха ограничивается, как указано в отдельных пунктах. Проект составлен и одобрен.

Меншиков взял лист, пробежал по нему глазами — и его лицо окаменело. Виктор понял: это и есть «кондиции». Те самые, что прятал Лефорт в своём портфеле. Теперь они были предьявлены.

— Здесь пять пунктов, — произнёс Меншиков, поднимая глаза от бумаги. — Все они так или иначе лишают монарха реальной власти. Вы предлагаете сделать из императора куклу? А Совет — коллективным регентом?

— Мы предлагаем то, что спасёт Россию от произвола, — твёрдо возразил Голицын. — Государство не может зависеть от прихотей одного человека. Это доказала вся история последних лет. Только закон, стоящий выше монарха, может обеспечить порядок.

— Это измена! — произнёс Бутурлин.

— Это конституция! — возразил Голицын. — И если вы отвергнете её — вы отвергнете будущее!

В зале повисла напряжённая пауза. Виктор видел, как Меншиков колебался. Он мог сейчас просто арестовать Голицына и Долгоруких — гвардия была под рукой. Но это означало бы открытый раскол и, возможно, гражданскую войну. Подписать «кондиции» — означало бы превратиться в ничто. Отвергнуть без ареста — значило бы оставить врагов на свободе.

И тут вперёд вышла Варвара Арсеньева. Она покинула своё место рядом с императрицей и тихо, но отчётливо произнесла:

— Позвольте слово.

Все обернулись к ней.

— Вы спорите о законе, — сказала она спокойным, хорошо поставленным голосом. — А закон гласит, что в отсутствие прямого наследника престол переходит к тому, кого изберёт Совет. Так не будем же тратить время на споры. Предлагаю голосовать.

— Голосовать? — переспросил Долгорукий. — Прямо сейчас?

— Прямо сейчас, — воскликнул Меншиков, в глазах которого блеснула искра понимания. — Кто за то, чтобы предложить престол Екатерине Алексеевне? Прошу поднять руки!

Первым поднял руку он сам. За ним — Бутурлин. Затем — Остерман, Апраксин, Толстой. Руки поднимались одна за другой, и Виктор считал их, затаив дыхание. Когда их стало больше двенадцати, Долгорукий криво усмехнулся и тоже поднял руку — но не за Екатерину, а за то, чтобы голосование засчитали.

— Большинство — за Екатерину, — объявил Меншиков, и его голос зазвенел сталью. — Решение принято. Присяга будет принесена немедленно. А «кондиции», — он бросил лист на стол, — Совет рассмотрит позже. В спокойной обстановке.

Голицын сжал зубы. Лефорт сделал шаг вперёд, но передумал. Долгорукие переглянулись.

Никто не произнёс ни слова против.

Екатерина стала императрицей.

Ночь спустилась на Петербург, но город не спал. В казармах читали приказ о присяге. В домах знати при свечах обсуждали итоги дня. В церкви Петропавловской крепости готовили тело покойного государя к прощанию.

Виктор стоял у окна в одном и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.